Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences

Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences

Language in Africa

Volume 5, Number 1

2024

CONTENTS

Н. В. Макеева, И. С. Рябова
Пространственные отношения и средства их выражения в языке дабида (банту) 3

Epimaque Nshimirimana, Dieudonné Butoyi
Analyse contrastive des systemes phonologiques du kirundi (bantou, JD62) et du kiswahili (bantou, G42) 37

Language in Africa 5(1), 2024, 3–36. doi: 10.37892/2686-8946-2024-5-1-3-36

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ДАБИДА (БАНТУ)

Н.В. Макеева
Институт языкознания РАН
nadmak@iling-ran.ru

И.С. Рябова
Институт языкознания РАН
irinaryabova@iling-ran.ru

Аннотация: Статья посвящена различным языковым средствам, используемым в языке дабида (банту E74a) для выражения пространственных отношений. В статье рассматриваются локативный класс 16, утративший в дабида деривативную функцию и имеющий лишь одну исконную лексему – существительное *andu* ‘место’, локативные дериваты с инновативным суффиксом *-ni*, а также топонимы. Особое внимание уделено синтаксической дистрибуции данных лексем, а также особенностям согласования зависимых с локативными вершинами внутри именной группы и согласования глагольных форм с локативными субъектными и объектными именными группами. Помимо именных лексем в статье описываются две группы пространственных предлогов, участвующих в выражении локализации и направления перемещения объекта относительно ориентира. Особое внимание уделено реализации в дабида стратегии чистой локализации, при которой семантическая роль ориентира как места, источника или цели движения кодируется не локативной конструкцией, обозначающей ориентир, а в семантике и модели управления предиката.

Ключевые слова: языки банту, язык дабида, пространственные отношения, локативные классы, чистая локализация.

SPATIAL RELATIONSHIPS AND LINGUISTIC MEANS OF THEIR EXPRESSION IN DABIDA (BANTU)

Nadezhda Makeeva
Institute of Linguistics RAS
nadmak@iling-ran.ru

Irina Ryabova
Institute of Linguistics RAS
irinaryabova@iling-ran.ru

Abstract: The paper presents the description of different means used in Dabida (Bantu E74a) for expressing spatial relationships. The paper examines the locative class 16, that has lost its derivational function and consists of only one inherent noun *andu* 'place', locative nouns derived by means of the innovative suffix *-ɲi*, and place names. Particular attention is paid to the syntactic distribution of these lexemes and the peculiarities of agreement of modifiers with the locative head nouns within the noun phrase and agreement of verb forms with the locative subject and object noun phrases. In addition to nominal lexemes, the article describes two groups of spatial prepositions involved in expressing localization and the direction of motion. Particular attention is paid to the implementation of the pure localization strategy in Dabida, in which the semantic role of a landmark as a place, source or goal of motion is not encoded by a locative expression denoting the landmark, but is assigned by the predicate.

Key words: Bantu languages, Dabida, spatial relationships, locative classes, pure localization.

1. Введение

Дабида является языком группы банту бенуэ-конголезской языковой семьи. Основная территория распространения дабида – юго-восточная Кения, где численность его носителей достигает 300 тыс. человек (Philippson & Montlahuc 2003: 475). Также около 27 тыс. человек говорят на дабида в северо-восточной части Танзании (Joshua Project). Согласно обновленной версии ареально-генетической классификации языков банту М. Гасри, предложенной в (Maho 2003), дабида относится к языкам зоны E и под кодовым номером E74a, наряду с касигау (E74b) и сагала (E74c), входит в число языков таита (E74) общности ньика-таита (E70) (Maho 2003: 645–646). С точки зрения чисто генетического родства, дабида относится к подгруппе Килиманджаро банту наряду с языками чага (E60) (Philippson & Montlahuk 2006: 475). Дабида представлен целой совокупностью взаимопонимаемых диалектов при отсутствии какой-либо наддиалектной формы. Следует также отметить, что подавляющее большинство представителей этноса дабида являются билингвами, владея суахили – первым государственным языком Кении и Танзании.

Предлагаемая статья основана на материале, собранном в ходе работы с носителями диалекта мбололо. В качестве дополнительных источников использовались учебники по чтению для начальной школы (Mashomo… 1951; «Первая книга для чтения») и (Chuo… 1956; «Вторая книга для чтения»), а также (Biblia… 1998 «Библия. Хорошее слово для всех людей»), то есть Книга Бытия Ветхого Завета на языке дабида.

В самом общем виде языковые пространственные отношения традиционно трактуются как «соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира» (Всеволодова & Владимирский 1982: 6). В данной статье рассматриваются различные языковые единицы языка дабида, участвующие в описании подобных отношений, и их синтаксические и семантические свойства. Вслед за

(Гак 2000) в служащих для выражения пространственных отношений языковых конструкциях мы будем различать два объекта – локализуемый объект, местонахождение или перемещение которого включает описываемая ситуация, и локализатор, или пространственный ориентир, – потенциально неподвижный объект, относительно которого определяется положение локализуемого объекта. Местонахождение или перемещение локализуемого объекта, а также конкретный тип локализации относительно ориентира может выражаться в глагольном предикате и/или при помощи различных морфосинтаксических средств, оформляющих именную группу ориентира. Эти средства, обозначаемые нами в данной работе общим термином «локативные конструкции», включают в себя различные пространственные и пространственно-ролевые предлоги, специализированные именные локативные формы и деривaты и др.

2. Локативный класс 16

Принадлежность дабида к языкам банту Восточной Африки в первую очередь означает наличие в нем богатой, развитой системы именных классов, отвечающей двум условиям: «1) наличие показателя класса в имени существительном; 2) наличие особой согласовательной модели, соответствующей каждому классу» (Виноградов 1979: 105). Реализация соответствующей каждому именному классу «особой согласовательной модели» осуществляется в дабида при помощи целого набора согласовательных классных показателей, выбор между которыми определяется типом согласуемого элемента (подробнее см. Makeeva & Ryabova 2022). В дабида насчитывается 15 именных классов, традиционный бантуский класс 14, перешедший в дабида на согласовательную модель класса 3, рассматривается нами как подкласс класса 3. В рамках системы именных классов выражаются такие значения, как сингулярность/плюральность и диминутивность, а также осуществляется образование отглагольных имен.

Согласно (Охотина 1959), наиболее «древним» способом выражения пространственных отношений в языках банту являются так называемые локативные классы. Они реконструируются для протобанту как классы 16, 17 и 18 с классными показателями **pa-*, **ku-*, **mu-* (Meinhof & van Warmelo 1932; Meussen 1967) / **pa-*, **kọ-*, **mọ-* (Guthrie 1971) / **pa-*, **ko-*, **mo-* (Welmers 1973: 165) соответственно и названы К. Майнхофом особыми классами имен существительных, «определяющих взаимное положение двух вещей в пространстве» ((Meinhof 1931) цит. по (Охотина 1959: 103)).

Традиционно за морфемой *pa-* закреплено значение указания на нахождение локализуемого объекта вблизи ориентира, на его поверхности, сверху ориентира; *ku-* означает нахождение объекта вне ориентира, рядом с ним или указывает на движение объекта в направлении ориентира, *mu-* устанавливает местонахождение объекта внутри ориентира:

Кагулу (G12, Танзания) (Petzell 2008: 34)

(1) a. ***ha****-mu-gunda*
CL16-CL3-ферма
‘рядом с фермой’

b. ***ku****-mu-gunda*
CL17-CL3-ферма
‘к ферме’

c. ***mu****-mu-gunda*
CL18-CL3-ферма
‘на ферме (внутри)’

Бемба (M42, Замбия) (Marten 2012: 433)

(2) a. ***pa****-n-ganda*
CL16-CL9-дом
‘у дома’

b. ***ku****-n-ganda*
CL17-CL9-дом
‘к дому’

c. ***mu****-n-ganda*
CL18-CL9-дом
‘в доме’

В бантуистике локативные классы ставятся в общий ряд с прочими именными классами, поскольку основной критерий выделения тех и других – синтаксический, согласовательный. Между тем между ними, с одной стороны, и всеми остальными именными классами банту, с другой, существует большое различие. От прочих именных классов в языках банту их фундаментально отличает ряд параметров. Во-первых, локативные классы, как правило, содержат лишь очень небольшой список своих исконных лексем с типичной

для банту структурой *префикс-корень*. Эти имена имеют различные пространственные значения, такие как: ‘место’, ‘на земле’, ‘наверху’ и др. Основная же функция локативных классов – деривативная: показатели классов 16–18 выступают в качестве препрефиксов, которые наслаиваются на существительные, принадлежащие другим именным классам, и привносят пространственную семантику (см. (1)–(2)). При оформлении локативными префиксами существительные меняют также (хотя не всегда и не полностью) свои исконные согласовательные модели. Локативные классы могут быть поставлены в один ряд с диминутивным классом 12 (**ka-*) и его плюральным коррелятом, классом 13 (**tu-*), основное наполнение которых представлено дериватами, образованными при помощи вторичной префиксации, тогда как количество исконных существительных этих классов исключительно мало (ср. в ганда *aka-mwa* ‘рот’, *aka-solya* ‘крыша’ (Виноградов 1990: 173)).

Во-вторых, в отличие от существительных прочих именных классов, включая диминутивные, локативные существительные употребляются в позиции сирконстанта без какого-либо дополнительного оформления, что сближает их с наречиями (см. Maho 1999: 95). В то же время от последних их отличает наличие собственной согласовательной модели, а также возможность иметь при себе зависимые и контролировать согласование.

В настоящее время локативное словообразование с использованием грамматических показателей классов 16–18 характерно главным образом для центрального региона банту (Zeller forthc.). Языки же с менее чем тремя локативными классами локализуются на периферии ареала их распространения (Maho 1999: 197). К таким языкам относится и дабида, в котором описанная выше типичная бантуская система локативных классов отсутствует. Однако в нем имеется собственный класс 16, именуемый локативным. Он утратил деривативную функцию и содержит единственную непроизводную нарицательную исконно бантускую лексему – существительное *andu* с обобщенно-пространственной семантикой ‘место’ и возможными пространственными значениями ‘террито-

рия’, ‘местность’, ‘пространство’, ‘местонахождение’, ‘площадь’, ‘помещение’ и т. п.[1] Префиксальный показатель именного класса существительного *a-ndu* очевидным образом восходит к префиксу **pa-*, однако парадигма согласовательных показателей класса 16 в дабида включает также показатели, восходящие к префиксу **ku-* бантуского класса 17: префикс *a-* используется при согласовании указательных местоимений (5a–b), тогда как префикс *ku-* выступает во всех прочих случаях – при согласовании прилагательных (5d), числительных (5f), притяжательных и ряда других местоимений (5c), а также в парадигме субъектных (3) и объектных (4) глагольных показателей. При согласовании рефлексивного местоимения возможно употребление обоих префиксов (подробнее см. (Makeeva & Ryabova 2022: 63–64)).

Существительное *andu* отличается не только смешанным согласованием, но и тем, что наряду со значением единственного числа оно выражает значение множественного числа (5f).

Существительное *andu*, как и существительные других классов, может занимать синтаксические позиции подлежащего (3), прямого дополнения (4), выступать в роли вершины адъективной ИГ (5a–f) и в роли вершины (6) и зависимого (7) в генитивной ИГ:

(3) ***A-ndu*** *aha* ***ku****-tʃa-dî-ɓoi-aɣ-a*
CL16-место CL16.этот CL16.S-FUT-1PL.O-нравиться-DUR-FIN
‘Это место нам понравится.’

(4) *De-re-**ku**-βon-i<eɣ>e* ***a-ndu*** *a-ʤa*
1PL.S-PST-CL16.O-видеть-FIN$_{PFV}$<DUR> CL16-место CL16-тот

ku-ko *na* *mi-dî* *mi-lazi*
CL16.S-COP с CL4-дерево CL4-многий
‘Мы видели то место, где растет много деревьев.’

[1] В диалекте джоса (*Josa dialect*), помимо класса 16, содержащего единственное существительное *(h)a-ndu ~ (h)a-ndo*, имеется класс 17, представленный существительным *ku-ndu ~ ku-ndo* с тем же значением ‘место’ (Philippson & Montlahuk 2006: 485).

(5) a. ***a**-ndu* ***a**ha*
CL16-место CL16.этот
‘это место’

b. ***a**-ndu* ***a**-ʤa*
CL16-место CL16-тот
‘то место’

c. ***a**-ndu* ***kw**-apo*
CL16-место CL16-POSS.1SG
‘мое место’

d. ***a**-ndu* ***ku**-tinieri*
CL16-место CL16-маленький
‘маленькая площадь’

e. ***a**-ndu* ***ku**-om-ie*
CL16-место CL16.S-сохнуть-FIN_{PFV}
‘сухая земля, суша’

f. ***a**-ndu* *ku-ɗadu*
CL16-место CL16-три
‘три места’

(6) ***a**-ndu* ***kw**-a* *ɱ-saŋgaɣa*
CL16-место CL16-CONN CL3-песок
‘песчаная местность’

(7) *βu-ɓaa* *ɣw-a* ***a-ndu*** *aho*
CL3a-площадь CL3-CONN CL16-место CL16.REF
‘площадь этой территории’

В позиции локативного сирконстанта *andu* употребляется самостоятельно, не сочетаясь с какими-либо предлогами, а также не образует локативной формы при помощи суффикса *-ɲi* (см. раздел 3).

(8) *Ø-tʃoki* *r-apo* *ra-ɗa-kai-a* ***a-ndu***
CL10-пчела CL10-POSS.1SG CL10.S-НАВ-быть-FIN CL16-место
ku-ɓaa
CL16-большой
‘Мои пчелы живут на обширной территории.’

3. Локативные существительные на *-ɲi*

С исчезновением в дабида традиционных локативных классов 16, 17 и 18 выражение семантики локативных препрефиксов частично взял на себя инновативный деривативный суффикс *-ɲi* (<*-*ini*) с остающейся невыясненной этимологией (Schadeberg 2006: 157; Zeller forthc.) и характерный в первую очередь для восточных и южных языков банту зон E, G, P и S (Zeller forthc.).

Образование локативных существительных в дабида может сопровождаться различными фонологическими процессами, такими как ассимиляция последнего гласного основы существительного по подъему и огубленности и др. (подробнее см. Makeeva & Ryabova 2020b):

(9) a.	*mi-zi*	>	*mi-zi-ɲi*
	CL4-город		CL4-город-LOC
	‘города’		
b.	*Ø-ɲumba*	>	*Ø-ɲumbe-ɲi*
	CL9-дом		CL9-дом-LOC
	‘дом’		
c.	*m̰-kua*	>	*m̰-kuo-ɲi*
	CL3-поток		CL3-поток-LOC
	‘поток’		

Показатель *-ɲi* привносит широкую, недифференцированную пространственную семантику, что отличает его от локативных классов 16, 17 и 18 в их традиционном понимании. Анализируя последствия замены в языках банту локативных классов локативным суффиксом, Д.А. Ольдерогге отмечал, что «основным моментом в изменении системы пространственных отношений является не замена префиксов суффиксом, а исчезновение прежней точности определения положения предмета в пространстве. Вместо прежнего дифференцированного определения ‘около, у, на’, обозначавшегося при помощи *pa-*, ‘внутри, в’ – при помощи *mu-* и ‘к, там, далеко’ – при помощи *ku-*, появляется новое обозначение, определяющее лишь локативность безотносительно к точному местонахождению предмета. Конкретность прежних классов утрачена» (Ольдерогге 1983: 244). Таким образом, локативные имена с суффиксом *-ɲi* обозначают не конкретную локализацию относительно некоторого объекта, обозначенного производящей основой, а скорее некоторое пространство, связанное с этим объектом.

Локативные имена имеют такую же синтаксическую дистрибуцию, что и существительные, от которых они образованы (см. Schadeberg 2003: 82). Они могут употребляться в позиции верши-

ны адъективной ИГ (10), в позиции вершины (11) и зависимого (12a–b) генитивной ИГ, подлежащего (13)–(14), прямого дополнения (15) и сирконстанта (16), причем в последнем случае они могут сочетаться с предлогами (см. раздел 5).

(10) *Ø-alama y-a lu-fu a* ***m̥-bembe-ɲi*** ***kw****-ake*
CL9-метка CL9-CONN CL11-тесак ПО CL3-рог-LOC CL16-3SG.POSS
‘шрам на его роге от удара тесаком’

(11) *ku-ŋgi-a* ***mi-mbi-ɲi*** ***kw****-a* *βa-ndu*
CL15-входить-NMLZ CL4-тело-LOC CL16-CONN CL2-человек
‘проникновение в человеческие тела’

(12) a. *Ø-ɲamandu r-a* ***mi-zi-ɲi***
CL10-животное CL10-CONN CL4-город-LOC
‘домашние (букв. деревенские) животные’

b. *Ø-ɲamandu r-a* ***i-sake-ɲi***
CL10-животное CL10-CONN CL5-саванна-LOC
‘дикие (букв. лесные) звери’

(13) ***M̥-zi-ɲi*** ***ku****-ɣok-ie*
CL3-город-LOC CL16.S-быть.красивым-FIN$_{PFV}$
‘Город красивый.’

(14) *Ela* ***βu-riɣe-ɲi*** ***ko****-re-koɣe* *na* *Ø-izi*
только CL3-изгородь-LOC CL16.S-PST-COP.PST и CL9-муха
i-m̥weri *m-baa*
CL9-один CL9-большой
‘Вот только на изгороди сидела большая муха.’

(15) *Na-o* *M̥-lungu u-ka-****ku****-waŋg-a* *aho*
и-CL1 CL1-Бог CL1.S-CONS-CL16.O-называть-FIN CL16.REF
ma-wiŋgu-ɲi *M̥-lungu-ɲi*
CL6-облако-LOC CL1-Бог-LOC
‘И назвал Бог тот свод небом’ (букв. ‘И назвал Бог пространство на облаках пространством около Бога’).[2]

[2] Существительное *M̥lungu* ‘Бог’ является единственным одушевленным именем, встретившимся в наших материалах с суффиксом *-ɲi*.

(16) *M̥-ndʒiɣe* *u-ka-andik-a* *ma-rina* *ɣ-aβo*
CL1-девушка CL1.S-CONS-писать-FIN CL6-имя CL6-POSS.3PL
Ø-karatasi-ɲi
CL9-бумага-LOC
‘Девушка написала их имена на листке бумаги.’

Несмотря на отсутствие в дабида локативной деривации при помощи префиксального показателя 16 класса, согласование зависимых элементов и предикатов с существительными, оформленными локативным суффиксом *-ɲi*, осуществляется преимущественно по 16 классу. Устойчивое согласование по 16 классу демонстрируют притяжательные и указательные местоимения, при согласовании с локативными существительными других единиц наблюдается вариативность между локативным (17) и так называемым глубинным согласованием, т.е. согласованием по классу производящей основы локативного существительного (18):

(17) *Di-tʃa-fuŋg-a* *ki-zumazi* ***Ø-siŋgo-ɲi***
1PL.S-FUT-привязывать-FIN CL11-колокольчик CL9-шея-LOC
kw-a *Ø-pusi*
CL16-CONN CL1a-кошка
‘Мы привяжем колокольчик на шею кошке.’
(18) *U-vik-a* *ki-reti* *u-ka-soɣod-a*
CL1.S-прибывать-FIN CL7-саванна CL1.S-CONS-приближаться-FIN
ki-vuli-ɲi ***tʃ-a*** *m̥-dî*
CL7-тень-LOC CL7-CONN CL3-дерево
‘Придя в саванну, он подошел к тени дерева.’

Следует также отметить, что пространственная семантика суффикса *-ɲi* может пониматься метафорически, если производящая основа имеет абстрактное значение. В частности, при сочетании с отглагольными именами, или инфинитивами, принадлежащими именному классу 15, суффикс *-ɲi* привносит значение пребывания в некотором процессе (см. также Makeeva & Ryabova 2020c):

(19) *β-ana* *β-ose* *βe-ko* ***ku-ʃome-ɲi***
CL2-ребенок CL2-весь CL2.S-COP CL15-учиться-LOC
‘Все дети на занятиях.’

4. Топонимы

Немаловажное место при описании пространственного положения объекта или его перемещения занимают топонимы. В языке дабида топонимы не имеют классного префикса и с точки зрения выбора согласовательной модели не представляют собой гомогенной группы имен. Как правило, с названиями городов согласование осуществляется по классу 16 (см. пример (23)), тогда как с прочими топонимами согласование происходит по классу географического объекта, названием которого они служат (20), либо по классу 9 (21, 24). Топонимы могут выступать в позиции вершины адъективной ИГ (20), вершины (21) и зависимого (22) в генитивной ИГ, подлежащего (23-24), прямого дополнения (25), сирконстанта (26).

(20) ***Kilimanjaro*** ***m̩-****latʃa*
Килиманджаро CL3-высокий
‘высокий Килиманджаро’

(21) ***Afrika*** ***y-****a* *Maʃariki*
Африка CL9-CONN Восток
‘Восточная Африка’

(22) *I-saŋga* *ʤ-a* ***Kenya***
CL5-страна CL5-CONN Кения
‘страна Кения’

(23) ***Nairobi*** ***kwa-****siŋg-ie*
Найроби CL16.S-быть.красивым-FIN$_{PFV}$
‘Найроби красив.’

(24) ***Dabida*** ***e-****ko* *andeɲi* *y-a* *βu-laya*
дабида CL9.S-COP внутри CL9-CONN CL3a-провинция

yw-a *Pwani*
CL3-CONN побережье
‘Территория Дабида входит в состав Прибрежной провинции.’

(25) *O-re-βon-i<eɣ>e* ***Nairobi*** ***na*** ***Dar-es-Salam***
CL1.S-PST-FIN$_{PFV}$<DUR> Наироби и Дар-эс-Салам
'Он видел Найроби и Дар-эс-Салам.'

(26) *β-omi* *βa-mu* *βa-ɗa-kai-a* ***Nairobi***
CL2-человек CL2-некоторый CL2.S-НАВ-быть-FIN Найроби
'Некоторые люди постоянно живут в Найроби.'

Отмеченное в дабида отсутствие какого-либо обязательного специального оформления локативных аргументов, выраженных топонимами, является чрезвычайно характерным для субсахарского макроареала и связано с дефолтной интерпретацией этих существительных как пространственных ориентиров (Creissels 2006: 8). Занимая позицию сирконстанта, топонимы, подобно *andu*, никогда не оформляются локативным суффиксом. В то же время они способны, в отличие от *andu*, сочетаться с предлогами, уточняющими локализацию или ориентацию относительно обозначаемого ими объекта, что происходит, однако, крайне редко – обычно при недостаточности информационной семантики, заключенной в самом топониме и глаголе движения:

(27) *Re-ko* *tʃu-ɣoŋgo* *na* *mi-ɣondi* *mi-ɓaa* *na*
CL10.S-COP CL10-холм и CL4-гора CL4-большой и

m-eɗa *mi-ɓaa* ***andeɲi*** ***y-a*** ***Afrika***
CL4-река CL4-большой внутри CL9-CONN Африка
'В Африке есть возвышенности, большие горы и реки.'

5. Особенности выражения значений локализации и направления движения

Как и для большинства языков Африки южнее Сахары, для дабида характерно отсутствие дифференцированного кодирования семантических ролей локализации, источника и цели движения в локативной конструкции, обозначающей ориентир (Creissels 2006).

В соответствии с этой стратегией – «недифференцирующей» стратегией, или «чистой локализацией» (Никитина 2002: 110), см. также (Никитина 2008: 130–131), семантическая роль аргумента, выраженного ИГ с существительным *andu*, каким-либо топонимом или локативным дериватом на *-ɲi* в позиции вершины, определяется свойствами предиката, а не самой локативной конструкции. Так, при стативных глаголах, таких как *-kai-* ‘жить, быть, находиться’, копуле *-ko*, а также при предикатах, обозначающих динамические процессы, но не предполагающих перемещение участников относительно ориентира, локативная конструкция указывает на местонахождение локализуемого объекта или место действия:

(28) *Idana ŋ-guku re-ko* ***a-ndu*** ***k-ose***
сейчас CL10-курица CL10.S-COP CL16-место CL16-весь
‘В наши дни куры обитают повсюду.’

(29) *Ø-tʃoki ra-ɗa-kai-a* ***mw-adu-ɲi*** *na* ***a-ndu***
CL10-пчела CL10.S-НАВ-быть-FIN CL3-улей-LOC и CL16-место
ku-zima *βori*
CL16-другой также
‘Пчелы обычно живут в ульях, но также и в других местах.’

(30) *βa-ka βi-a-ɣu-a ma-ɣuβa βoi*
CL2-женщина CL2.S-PRS-покупать-FIN CL6-сахарный.тростник Вои
‘Женщины покупают сахарный тростник в Вои.’

При глаголах, обозначающих перемещение одного из участников, локативная конструкция может указывать на исходный пункт, конечный пункт или место, в зависимости от того, какую семантическую роль приписывает ей тот или иной предикат. Так, при глаголе *-fum-* ‘уходить’ локативная конструкция указывает на начальный пункт движения локализуемого объекта, тогда как при глаголах *-ŋgi-* ‘входить’, *-dʒok-* ‘залезать’ и *-ɣend-* ‘ехать’ локативная конструкция обозначает конечный пункт перемещения:

(31) *Ko kala m-bisi e-re-zuɣ-i<loɣ>e na*
Там давно CL9-гиена CL9.S-PST-мучить-FIN$_{PFV}$< PASS.DUR> и

n-diɣi ni n-dʒala i-ka-fum-a ***i-sake-ɲi***
CL9-сила с CL9-голод CL9.S-CONS-уходить-FIN CL5-саванна-LOC

ku-ɣend-a ku-lol-a m-buri i-dʒ-e.
INF-идти-FIN INF-искать-FIN CL9-коза CL9.O-есть-FIN$_{SUBJ}$
‘Как-то гиена, мучимая голодом, вышла из саванны поискать себе на ужин козу.’

(32) *Andorokulu u-ka-βwad-w-a na*
Андрокл CL1.S-CONS-схватить-PASS-FIN и

ku-ŋgi-r-w-a ***ki-fuŋgo-ɲi***
INF-входить-CAUS-PASS-FIN CL7-заточение-LOC
‘Андрокл был схвачен и брошен в темницу.’

(33) *Ni-tʃa-dʒok-a* ***mu-di-ɲi*** *na ku-ku-βwad-a*
1SG.S-FUT-залезть-FIN CL3-дерево-LOC и INF-2SG.O-схватить-FIN
‘Я влезу на дерево и поймаю тебя’.

(34) *β-omi βi-tʃa-ɣend-a* ***Taveta*** *laβuke*
CL2-мужчина CL2.S-FUT-ехать-FIN Тавета послезавтра
‘Мужчины послезавтра поедут в Тавету’.

Наконец, при ряде глаголов, таких как *-id-* ‘проходить’, *-sel-* ‘гулять’, локативная конструкция указывает на трассу или участок пространства, в пределах которого осуществляется движение:

(35) *Idʒi o-re-lal-i<eɣ>e Ø-ʃimβa*
когда CL1.S-PST-спать-FIN$_{PFV}$<DUR> CL9-лев

i-ka-id-a ***a-ndu*** ***a-dʒa*** *nakio na*
CL9.S-CONS-проходить-FIN CL16-место CL16-тот ночью и

ku-mu-dʒ-a
CL15.S-CL1.O-есть-FIN
‘Ночью, когда он спал, лев проходил мимо того места и съел его.’

(36) *Numa* *ya* *ma-tuku* *meŋgi* *Ø-fimβa*
после CL9-CONN CL6-день CL6.многий CL9-лев

e-re-koɣe *i-ki-sel-a* ***m̩-sidu-ɲi***
CL9.S-PST-COP.PST CL9.S-PROGR-гулять-FIN CL3-лес-LOC
‘Спустя много времени лев как-то гулял по лесу.’

Недифференцирующая стратегия может быть также наглядно продемонстрирована примерами (37a–d), где в качестве ориентира выступает локативный дериват от существительного *m̩zi* ‘город, деревня’, а его семантическая роль варьирует в зависимости от глагола, за которым он следует:

(37) a. *Ni-a-kai-a* ***m̩-zi-ɲi***
1SG.S-PRS-быть-FIN CL3-город-LOC
‘Я живу в городе.’

b. *Ni-a-ɣend-a* ***m̩-zi-ɲi***
1SG.S-PRS-идти-FIN CL3-город-LOC
‘Я иду в город.’

c. *Ni-a-fum-a* ***m̩-zi-ɲi***
1SG.S-PRS-уходить-FIN CL3-город-LOC
‘Я ухожу из города.’

d. *Ni-a-sel-a* ***m̩-zi-ɲi***
1SG.S-PRS-гулять-FIN CL3-город-LOC
‘Я гуляю по городу.’

6. Предложные конструкции с пространственным значением

Местоположение объекта относительно пространственного ориентира, а также направление развертывания события по отношению к пространственному ориентиру могут выражаться в дабида при помощи пространственных предлогов. Таких предлогов в дабида насчитывается около десяти. По мнению Н.В. Охотиной, наряду

с деривативным локативным суффиксом, они восполняют в языках банту отсутствие локативных классов 16, 17 и 18, являясь языковыми единицами «сравнительно позднего происхождения», «новой, нарождающейся, более абстрагированной грамматической категорией» (Охотина 1959: 155).

К предлогам, выражающим направление развертывания некоторого события по отношению к локализатору, относятся *a* ‘в, у, около, по’, *tʃa* ‘(по направлению) к, в, на’, *hata* ‘к, до’, *kufuma* ‘из, от’. Все четыре предлога сочетаются только с локативными дериватами на *-ɲi*.

Предлог *a* является непроизводным, он употребляется преимущественно в динамических ситуациях, в которых объект движется внутри пространства, занимаемого ориентиром, или расположенного в окрестности ориентира:

(38) *U-ka-i-lol-a ihi Ø-tʃia* ***a m-buβe-ɲi***
3SG.S-CONS-CL9.O-искать-FIN CL9.этот CL9-путь по CL9-поле-LOC
k-ose.
CL16-весь
‘Он искал этот путь по всему полю.’

(39) *Ɗ-guku r-aβo ra-ku-lol-i-a vi-ndo*
CL10-курица CL10-POSS.3PL CL10.S-REFL-искать-APPL-FIN CL8-еда
r-eni ***a ma-sake-ɲi*** *na* ***vi-dʒale-ɲi***
CL10-REFL по CL6-кустарник-LOC и CL8-грязь-LOC
‘Их куры самостоятельно ищут себе пропитание в грязи или в кустах.’

(40) *I-tuku dʒi-mu ŋ-gomβe i-mu m-baa*
CL5-день CL5-некоторый CL9-корова CL9-некоторый CL9-большой
e-re-koɣe i-ki-dʒ-a Ø-ɲasi ***a m̩-lambe-ɲi***
CL9.S-PST-COP.PST CL9.S-PROGR-есть-FIN CL9-трава по CL3-баобаб-LOC
‘Однажды корова паслась около баобаба.’

Непроизводный предлог *tʃa* указывает на конечный пункт или направление движения перемещаемого объекта:

(41) *Bokomo u-ka-ɣu-tʃikaɲ-a ṃ̩-zata ɣw-a*
Бокомо CL1.S-CONS-CL3.O-ломать-FIN CL3-палка CL3-CONN

Ø-fuβe na ku-ɣu-kumb-a ***tʃa i-sake-ɲi.***
CL9-бабуин и INF-CL3.O-бросать-FIN к CL5-кустарник-LOC
‘Бокомо сломал палку бабуина и выбросил ее в кусты.’

(42) *Ṃ̩-zuri u-ka-ʃinik-a loliloli*
CL1-вождь CL1.S-CONS-удивился-FIN воистину

u-ka-kimbi-a ***tʃa ṃ̩-zi-ɲi***
CL1.S-CONS-бежать-FIN к CL3-деревня-LOC
‘Вождь сильно удивился и побежал к своему селению.’

Еще один непроизводный предлог – предлог *hata* ‘к, до’ арабского происхождения, очевидно пришедший в дабида из языка суахили и передающий терминативное значение:

(43) *Mw-ana ṃ̩-tini nde-u-dîm-aɣ-a*
CL1-ребенок CL1-маленький NEG-CL1.S-мочь-DUR-FIN

ku-i-duk-a Ø-ʃekele kufuma Ø-βaze-ɲi ***hata***
INF-CL9.O-нести-FIN CL9-калебас от CL9-коровник-LOC до

Ø-ɲumβe-ɲi
CL9-дом-LOC
‘Маленький ребенок не может донести калебас от коровника до дома.’

Предлог *kufuma* ‘из, от’ является единственным производным предлогом в данной группе. Конструкция с предлогом *kufuma* очевидно восходит к сложной глагольной конструкции с инфинитивом глагола *-fum-* ‘уходить’ в целевом значении. О возможности его предложной интерпретации говорят десемантизация и расширение синтаксической дистрибуции глагола *-fum-* в данной конструкции. При передаче элативно-директивного значения *kufuma* употребляется не только с глаголами движения, но и с глаголами изменения положения в пространстве (44). Кроме того, значение *kufuma* не ограничивается сферой пространственных отношений, встречается

оно и в темпоральном значении ‘начиная с’, занимая при этом начальную позицию в клаузе, где глагольная интерпретация оказывается невозможной (45):

(44) *Ki-ndo* *tʃi-fwan-an-e* *na* *lu-ɣa*
CL7-вещь CL7.S-ПОХОДИТЬ-REC-FIN$_{SUBJ}$ и CL11-веревка

tʃa-anik-w-a ***kufuma*** ***mu-ɗi-ɲi***
CL7.S-вешать-PASS-FIN от CL3-дерево-LOC
‘Нечто, напоминавшее веревку, свисало с дерева.’

(45) *Na* ***kufuma*** ***i-tuku*** *idʒo* *ma-ososi*
и от CL5-день CL5.REF CL6-летучая.мышь

ɣi-ka-leɣ-w-a
CL6.S-CONS-отвергать-PASS-FIN
‘И с того дня летучие мыши отвергнуты (живут отшельниками).’

К предлогам, выражающим пространственную локализацию объекта относительно некоторого другого объекта, служащего ориентиром, относятся локативные предлоги *aisi* ‘под’, *aɣadî* ‘среди’, *aiɣu* ‘на, над’, *andeɲi* ‘в, внутри’. Предлог *aisi* обозначает локализованность объекта или ситуации под ориентиром:

(46) *M̥-to* *ɣw-ако* *ɣo-ko* ***aisi*** ***y-a***
CL3-подушка CL16-POSS.2SG CL3-COP внизу CL9-CONN

βu-li *ɣw-apo*
CL3a-кровать CL3-POSS.1SG
‘Твоя подушка у меня под кроватью.’

Предлог *aiɣu* обозначает локализованность объекта или ситуации на верхней поверхности объемного ориентира, над ориентиром, либо в верхней части пространства, ограниченного ориентиром:

(47) *Ø-Rwai* *r-adav-a* *ma-ɣi* *ɣ-aβo* ***aiɣu***
CL9-комар CL9.S-откладывать-FIN CL6-яйцо CL6-POSS.3PL наверху

y-a ***ma-tʃi***
CL9-CONN CL6-вода
‘Комары откладывают яйца на воде.’

(48) *Ø-Pusi* *u-mu* *ho-yu* ***aiɣu*** ***y-a***
CL1a-кошка CL1-некоторый PRED-CL1.этот наверху CL9-CONN

i-ɣo
CL5-камень
‘Кошка сидит на камне.’

(49) *Ø-Roho* *w-a* *M̥-lungu* *u-ka-kai-a*
CL1a-душа CL1-CONN CL1-Бог CL1.S-CONS-быть-FIN

u-ki-sel-a-sel-a ***aiɣu*** ***y-a*** ***ma-tʃi***.
CL1.S-PROGR-гулять-FIN-гулять-FIN наверху CL9-CONN CL6-вода
‘И Дух Божий носился над водою.’

(50) *Ø-Inge* *e-re-i-βon-i<eɣ>e* *Ø-saβau*
CL9-леопард CL9.S-PST-CL9.O-видеть-FIN_{PFV}<DUR> CL9-мартышка

i-ki-tʃumb-a-tʃumb-a ***aiɣu*** ***mi-di-ɲi***
CL9.S-PROGR-прыгать-FIN-прыгать-FIN наверху CL4-дерево-LOC
‘Леопард увидел, что по деревьям прыгает мартышка.’

Предлог *andeɲi* указывает на локализацию объекта или ситуации внутри объемного тела или субстанции:

(51) ***Andeɲi*** ***y-a*** ***mw-adu*** *re-ko* *Ø-tʃoki* *r-a*
внутри CL9-CONN CL3-улей CL10.S-COP CL10-пчела CL10-CONN

m-bari *ɲiŋgi*
CL10-вид CL10.много
‘В улье обитают пчелы разных видов.’

(52) *Ø-Dudu* *ni* *m̥-maiza* *u-mu* *u-kai-aɣ-a*
CL9-клещ COP CL1-враг CL1-некоторый CL1.S-быть-DUR-FIN

andeɲi ***Ø-teri-ɲi*** *na* ***m̥-saŋgaɣe-ɲi*** *na* ***ma-ʤale-ɲi***
внутри CL9-пыль-LOC и CL3-песок-LOC и CL6-сухие.листья-LOC

ɣi-om-ie

CL6.S-сохнуть-FIN$_{PFV}$

‘Клещ – это враг, который живет в пыли, в песке и в сухих листьях.’

Предлог *aɣadî* обозначает локализованность объекта или ситуации в центральной части пространства, ограниченного ориентиром:

(53) [Жил-был на свете лев. Однажды он долго охотился в лесу и,…]

na idʒi e-re-si-r-i<loɣ>e ni n-diɣi

и когда CL9.S-PST-кончаться-APPL-FIN$_{PFV}$<PASS.DUR> с CL9-сила

e-re-mar-i<eɣ>e ***aɣadi y-a*** *uɣo* ***m̩-sidu***

CL1.S-PST-кружить-FIN$_{PFV}$<DUR> среди **CL9-CONN** CL3.REF CL3-лес

kw-end-a lal-a

INF-идти-FIN спать-FIN.

‘…обессилев, стал искать в глубине леса место, чтобы передохнуть.’

Все четыре предлога восходят, по-видимому, к сочетаниям предлога *a* с существительными с пространственной семантикой, о чем свидетельствует прежде всего их модель управления. Для ввода пространственного ориентира эти предлоги требуют, как правило, частицы-коннектора, оформленной префиксальным согласовательным показателем 9 класса (46)–(49), (51), (53), предлоги *aiɣu* и *andeɲi* также могут употребляются с локативными дериватами подобно предлогу *a* (50), (52), что говорит о более высокой степени их грамматикализованности. Кроме того, хотя в современной орфографии строго выдерживается правило слитного написания предлогов, еще полвека тому назад было возможно раздельное написание *a isi*, *a iɣu*, *a ɣadî* (*Chuo cha mashomo ga kawi* (1956)). В наших материалах имеется очень небольшое количество примеров на самостоятельное употребление существительных *isi*, *iɣu* и *ɣadî*. Существительные *isi* и *iɣu* встречаются в позиции сирконстанта без зависимых, что сближает их в данной

функции с наречиями (54)–(55), *iɣu* отмечается также в позиции локативного субъекта (56), в этой же позиции возможно употребление существительного *ɣadî* (57)

(54) [Здесь совсем нет дров.]
Ela re-ko ɲiŋgi aja na ***isi*** *kutini*
но CL10.S-COP много там и внизу немного
'Но их много там и чуть ниже.'

(55) *Ø-Soko re-ko na Ø-zoɣori ri-ko* ***iɣu***
CL10-рынок CL10.S-COP и CL10-цена CL10.S-COP наверху
aɣa ma-tuku
CL6.этот CL6-день
'В эти дни на рынках высокие цены' (букв. 'В эти дни на рынках цены, которые наверху').

(56) *Ela a tʃ-oŋgo-ɲi kw-ake na* ***iɣu***
но в CL7-голова-LOC CL16-POSS.3SG.ANIM и наверху
ko-re-koɣe na mu-di ɣu-ko na ma-lemba ma-lazi
CL16.S-PST-COP.PST и CL3-дерево CL3.S-COP и CL6-лист CL6-многий
'Но у головы его и наверху было дерево с большим числом листьев.'

(57) ***Ø-Ɣadî*** *y-a kedu e-ko na ma-kaji*
CL9-середина CL9-CONN наша.деревня CL9.S-COP и CL6-батат
'В середине нашей деревни растет батат.'

Именным происхождением предлогов *aisi* 'под', *aɣadî* 'в, между, среди', *aiɣu* 'на, над', *andeɲi* 'в, внутри' обусловлено, по-видимому, следование недифференцирующей стратегии кодирования семантических ролей аргументов, которые они оформляют. Действительно, в отличие от предлогов первой группы, данные четыре предлога только конкретизируют положение локализуемого объекта относительно пространственного ориентира, но не указывают на направление развертывания событий относительно него, тогда как семантическая роль аргумента, который они оформляют, определяется свойствами предиката. Так, при стативных глаголах,

таких как *-kai-* ‘жить, быть, находиться’, копуле *-ko* и при предикатах, обозначающих динамические процессы, но не предполагающих перемещение участников относительно ориентира, а также при глаголах, обозначающих перемещение объекта в пределах ориентира, локативные конструкции с предлогами *aisi* ‘под’, *aɣadi* ‘в, между, среди’, *aiɣu* ‘на, над’, *andeɲi* ‘в, внутри’ указывают на местонахождение локализуемого объекта или место действия (см. примеры (46)–(53)). При прочих глаголах, обозначающих перемещение какого-либо участника ситуации, в зависимости от семантических свойств глагола они указывают на источник движения (58), либо на его цель (59)–(61).

(58) *Idana ni-ʃan-e uɣo m-osi ɣwa-fum-a*
сейчас CL1.O-платить-FIN$_{SUBJ}$ CL3.REF CL3-дым CL3.S-уходить-FIN
andeɲi y-a Ø-toza *y-apo na* ***andeɲi y-a***
внутри CL9-CONN CL9-трубка CL9-POSS.1SG и внутри CL9-CONN
Ø-kumbaku *wori!*
CL9-табак тоже
‘Оплати мне сейчас тот дым, который вышел из моей трубки и из табака!’

(59) *Ṃ-ndʒiɣe uo u-ka-i-βik-a*
CL1-девушка CL1.REF CL1.S-CONS-CL9.O-положить-FIN
Ø-karatasi y-ake ***aisi y-a ṃ-to***
CL9-бумага CL9-POSS.3SG.ANIM внизу CL9-CONN CL3-подушка
βu-li-ɲi kw-ake
CL3a-кровать-LOC CL16-POSS.3SG.ANIM
‘Девушка положила записку под подушку у себя на кровати.’

(60) *Ya-fwan-a βa-ndu βi-ɗuŋg-e ma-vuɗa*
CL9-следовать-FIN CL2-человек CL2.S-лить-FIN$_{SUB}$ CL6-масло
ɣ-a Ø-taa ***aiɣu y-a ma-tʃi***
CL6-CONN CL9-лампа наверху CL9-CONN CL6-вода
‘Жителям следует налить керосин поверх воды.’

(61) *Ø-Saβau* *i-ka-tʃ-a* *i-ka-ɣoru-a*
CL9-мартышка CL9.S-CONS-подходить-FIN CL9.S-CONS-опускать-FIN

ki-komβa *tʃ-ake* ***andeɲi*** ***y-a*** ***ki-na***
CL7-хвост CL7-POSS.3SG.ANIM внутри CL9-CONN CL7-яма
‘Мартышка подошла и опустила хвост в яму.’

Недифференцирующей стратегии, по крайней мере исторически, следовал, по-видимому, предлог *kwa*, восходящий к коннектору, согласованному по локативному классу 16 (**kw-a* ‘CL16-CONN’). Этот предлог можно отнести к локативно-ролевым, т.е. к таким, которые не только указывают на локализацию объекта или ситуации в пространстве, но и оформляют косвенные дополнения при некоторых глаголах. В своей локативной фукции предлог *kwa* обозначает лицо, по направлению к которому осуществляется движение:

(62) *Ø-ɣend-a* ***kwa*** *Ø-Nde-o*
2SG-идти-FIN у CL9-Отец-POSS.1SG
‘Иди к моему Отцу.’

(63) *U-ka-ɣend-a* *ku-lomb-a* *Ø-toza* ***kwa*** *Mwatoza*
CL1.S-CONS-идти-FIN INF-просить-FIN CL9-трубка у Мватоза
‘Он пошел за трубкой к Мватозе.’

В ролевой функции употребление предлога *kwa* по-прежнему ограничивается глаголами движения, в том числе и их лексико-семантическими вариантами, имеющими переносное значение (см. (65)). Он оформляет бенефактивного участника, т.е. лицо, в пользу которого совершается действие (64), а также источник ситуации, или причину, если она представлена лицом, ответственным за ее возникновение (65).

(64) *M̥-liʃa* *u-tʃa-ɣa-red-a* *ma-riβa* ***kwa***
CL1-пастух CL1.S-FUT-CL6.O-носить-FIN CL6-молоко у

β-ana
CL2-ребенок
‘Пастух принесет детям молоко.’

(65) *Ø-Akili r-ose ra-da-fum-a* ***kwa*** *M̥-lungu*
CL10-ум CL10-весь CL10.S-НАВ-уходить-FIN **у** CL1-Бог
‘Здравомыслие исходит от Бога.’

Хотя в последнем случае глагол *-fum-* ‘уходить’ употреблен в переносном значении, именно его свойствами, по-видимому, обусловлена семантическая роль аргумента, оформленного предлогом *kwa*. На то, что исходное значение данного предлога состоит в чистой локализации объекта относительно ориентира, указывает также возможность его употребления в сочетании с лативно-директивным предлогом *tʃa*:

(66) *Ni-a-ɣendʒ-a m-buri* ***tʃa kwa*** *Ø-aba Ø-ʃimβa*
1SG.S-PRS-нести-FIN CL9-коза **к у** CL1a-отец CL9-лев
‘Я несу козу к своему отцу льву.’

7. Аппликативная деривация и локативные предложные группы

Синтаксический статус аргумента, оформленного предлогом *kwa*, может быть повышен до статуса прямого дополнения в результате аппликативной актантной деривации, выраженной в глаголе при помощи суффиксов *-i-/-e-, -ir-/-er-, -ri-/-re*[3]. В примере (67) ориентир-лицо, в направлении которого осуществляется перемещение участника, выраженного субъектом, оформляется локативным предлогом *kwa.* В примере (68) глагол *-ɣend-* ‘идти’ оформляется показателем аппликатива, а синтаксический ранг ориентира повышается до статуса прямого дополнения, что подтверждается также наличием объектного показателя класса 1 в глагольной словоформе.

[3] Гласный суффикса выбирается на основании правила гармонии гласных по признаку подъема (подробнее см. Макеева & Рябова 2020а).

(67) *Ø-Pusi* *i-ka-**ɣend**-a* ***kwa*** ***m̨-loɣi***
CL9-кошка CL9.S-CONS-идти-FIN у CL1-колдун
‘Кошка пошла к колдуну.’

(68) *I-ososi* *ji-mu* *ji-ka-**m-ɣend-i**-a*
CL5-летучая.мышь CL5-некий CL5.S-CONS-CL1.O-идти-APPL-FIN

m̨-zuri *w-a* *Ø-ɲamandu*
CL1-царь CL1-CONN CL10-зверь
‘Летучая мышь отправилась к царю зверей.’

Повышение синтаксического ранга ориентира в результате аппликативной деривации происходит в тех случаях, когда ориентир, оформляемый предлогом *kwa*, указывает на конечную точку перемещения объекта. В наших материалах выражение конечной точки движения ИГ прямого дополнения встречается при следующих аппликативных дериватах: *-ɣendi-* ‘идти к’ (< *-ɣend-* ‘идти’), *-kimbiri-* ‘подбегать к’ (< *-kimbi-* ‘бежать’), *-soɣoder-* ‘приближаться к’ (*-soɣod-* ‘приближаться’):

(69) *Ø-ʃimba* *i-ka-**m-kimbi-ri**-a* ***Andorokulu*** *sa*
CL9-лев CL9.S-CONS-CL1.O-бежать-APPL-FIN Андрокл как

Ø-koʃi
CL9-собака
‘Лев подбежал к Андроклу как собачонка.’

(70) *Ni* *m-beβa* *i-ao* *i-dîm-aɣ-a*
COP CL9-мышь CL9-какой CL9.S-мочь-DUR-FIN

*ku-**m-soɣod-er**-a* ***Ø-pusi***
INF-CL1.O-приближаться-APPL-FIN CL1a-кошка
‘И какая же мышь может близко подойти к кошке?’

Повышение синтаксического статуса неодушевленного ориентира происходит в конструкциях с глаголами изменения положения в пространстве, такими как *-kari-* ‘располагаться, помещаться’ (< *-kai-* ‘жить, быть, находиться’), *-seri-* ‘усаживаться’ (< *-se-* ‘си-

деть’). В данном случае ориентир, выраженный ИГ прямого дополнения, также указывает на конечную точку движения:

(71) *Ø-ŋguku* *e-re-tʃ-i<eɣ>e* *na*
CL9-курица CL9.S-PST-подходить-FIN$_{PFV}$<DUR> и

ku-se-ri-a ***i-vingu*** *ʤi-mu;* *niko*
CL15-сидеть-APPL-FIN CL5-преграда CL5-некоторый тогда

i-ka-tal-a *huβu: ‘ʤi-ɱweri, a-βi,* *a-dadu, a-na,*
CL9.S-CONS-считать-FIN так CL5-один CL6-два CL6-три CL6-четыре

a-sanu, *na* *ʤi-mu* *na-**ji-se-ri**-a’*
CL6-пять и CL5-некоторый 1SG.S-CL5.O-сидеть-APPL-FIN
‘Курица подошла и села на некоторую преграду и посчитала так: «Один, два три, четыре, пять и тот, на котором я сижу».’

Аппликативные дериваты данных двух глаголов употребляются также в конструкции с расщеплением локативного актанта. В такой конструкции в качестве ориентира выступает какая-либо часть тела одушевленного объекта, однако в результате аппликативной трансформации происходит подъем посессора в позицию прямого дополнения при глаголе, в то время как сам ориентир не меняет своего синтаксического статуса и требует оформления локативным суффиксом *-ɲi*. ИГ посессора, занимающего позицию прямого дополнения, как правило, индексируется в глагольной словоформе при помощи объектного классно-лично-числового показателя, также посессор может быть дополнительно выражен при помощи притяжательного местоимения в постпозиции к локативному существительному, обозначающему часть тела-ориентир.

(72) *Io* *Ø-izi* *i-ka-**i-ka-ri**-a* ***ŋ-gombe***
CL9.REF CL9-муха CL9.S-CONS-CL9.O-быть-APPL-FIN CL9-корова

lw-embe-ɲi
CL11-рог-LOC
‘Эта муха села корове на рог.’

(73) *Numa* *io* *Ø-izi* *i-ka-**m-ka-ri**-a*
затем CL9.REF CL9-муха CL9.S-CONS-CL3.O-быть-APPL-FIN

Bokomo *Ø-tʃeru-ɲi* *kw-**ake***
Бокомо CL9-подбородок-LOC CL16-POSS.3SG.ANIM
‘Затем эта муха села Бокомо на подбородок.’

8. Заключение

В работе были рассмотрены различные языковые средства, служащие в дабида для выражения пространственных отношений, а также их синтаксические и семантические свойства. Наиболее типичное для языков банту выражение пространственных отношений при помощи межклассной конверсии – перехода существительных различных классов в локативные классы 16, 17 и 18, оказывается в дабида утраченным. Здесь имеется лишь один локативный класс, сочетающий в своей согласовательной модели показатели классов 16 и 17, имеющий лишь одну исконную лексему и полностью потерявший свою деривативную функцию. Выражение локализации берет на себя суффикс *-ɲi*, при помощи которого от неодушевленных существительных образуются локативные дериваты с широкой пространственной семантикой, не уточняющей тип локализации объекта или события относительно ориентира, обозначаемого производящей основой. Кроме того, в дабида присутствует некоторое количество локативных и локативно-ролевых предлогов, обозначающих направление развертывания события, либо конкретный тип локализации относительно ориентира.

В статье рассматривается чрезвычайно типичная для языков субсахарской Африки стратегия чистой локализации, при которой семантическая роль аргумента, обозначенного локативной конструкцией, оказывается обусловлена свойствами предиката. В дабида локативные конструкции, выраженные существительным *andu* ‘место’ локативного класса 16, локативными дериватами на *-ɲi*, топонимами, а также предложными группами с отыменными предлогами *aisi* ‘под’, *aɣadì* ‘в, между, среди’, *aiɣu* ‘на, над’, *andeɲi*

‘в, внутри’, указывают лишь на локализацию объекта или события относительно ориентира, тогда как семантическая роль этой конструкции как места, источника или цели движения кодируется предикатом.

Сокращения

1,2 – 1^{e}, 2^{e} лицо
ANIM – одушевленное местоимение
APPL – аппликатив
CAUS – каузатив
CL1, CL2……CL16 – показатель именного класса
CONN – коннектор
CONS – консекутив
COP – копула
DUR – дуратив
FIN – финальный суффикс глагола
FIN_{PFV} – финальный суффикс глагола в перфективной форме
FIN_{SUBJ} – финальный суффикс глагола в форме субъюнктива
FUT – будущее время
HAB – хабитуалис
INF – инфинитив
LOC – локатив
NEG – отрицание
NMLZ – суффикс номинализации
O – объектный показатель
PASS – пассив
PL – множественное число
POSS – посессивное местоимение
PRED – предикативный показатель
PRS – настоящее время
PROGR – прогрессив
PST – прошедшее время
REC – реципрок
REF – демонстративное местоимение референциальной серии
REFL – рефлексивный показатель, рефлексивное местоимение
S – субъектный показатель
SG – единственное число

Литература

Виноградов, В.А. 1979. Именные классы и местоимения в бамилеке. В кн. Охотина, Н.В. (ред.), *Морфонология и морфология классов слов в языках Африки*, 101–119. М.: Наука.

Виноградов, В.А. 1990. Именные классы. В кн. Ярцева, В.Н., и др. (ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*, 173–174. М.: Советская энциклопедия.

Всеволодова, М.В. & Владимирский, Е.Ю. 1982. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык.

Гак, В.Г. 2000. Пространство вне пространства. В кн. Арутюнова, Н.Д. & Левонтина, И.Б. (ред.), *Логический анализ языка. Языки пространств*, 127–134. М.: Языки русской культуры.

Макеева Н.В. & Рябова И.С. 2020а. Сингармонизм и другие типы ассимиляции гласных в глаголе языка дабида. В кн. Кибрик, А.А. & Семёнова Кс.П. & Сичинава Д.В. & Татевосов С.Г. & Урманчиева А.Ю. (ред.), *ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей*. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна, 74–79. М.: Буки Веди.

Никитина, Т.В. 2002. Послелоги языка уан: краткий обзор. В кн. Выдрин, В.Ф. & Желтов, А.Ю. (ред.), *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар*. К 50-летию Константина Позднякова, 106–124. СПб.: Европейский Дом.

Никитина, Т.В. 2008. Дополнения исходного и конечного пунктов движения: к типологии «расщепленных» систем кодирования. *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* 4(2). 130–134.

Ольдерогге, Д.А. 1983. *Эпигамия. Избранные статьи.* М.: Наука.

Охотина, Н.В. 1959. Выражение пространственных отношений в языке зулу. В кн. Ольдерогге, Д.А. (ред.), *Африканский этнографический сборник III*, 101–160. М. –Л.: Издательство Академии наук СССР.

Biblia Ilagho Jiboie Kwa Wandu Wose [Библия. Хорошее слово для всех людей]. *1998.* Nairobi: The Bible Society of Kenya.

Chuo cha mashomo ga kawi [Вторая книга для чтения]. 1956. Nairobi: Highway Press.

Creissels, Denis. 2006. Encoding the distinction between location, source, and destination: a typological study. In Hickmann, Maya & Robert, Stéphane (eds.), *Space in languages: Linguistic systems and cognitive categories*, 19–28. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.

Guthrie, Malcolm. 1971. *Comparative Bantu: An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. Vol. 2: Bantu prehistory, inventory and indexes. London: Gregg International.

Joshua Project. n.d. Dabida Taitia in Tanzania. https://www.joshuaproject.net/people_groups/11462/TZ (accessed July 4, 2022)

Maho, Jouni. 1999. *A comparative study of Bantu noun classes*. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis.

Maho, Jouni. 2003. A classification of the Bantu languages: An update of Guthrie's referential system. In Nurse, Derek & Philippson, Gerard (eds.), *The Bantu languages*, 639–651. London: Routledge.

Makeeva, Nadezhda & Ryabova, Irina. 2020b. Assimilation in Dabida. *Language in Africa* 1(2). 4–29.

Makeeva, Nadezhda & Ryabova, Irina. 2020c. "Infinitive" class 15 in Dabida. *Language in Africa* 1(4). 183–198.

Makeeva, Nadezhda & Ryabova, Irina. 2022. Noun classes and agreement in Dawida. *Language Matters* 53(2). 37–67.

Marten, Lutz. 2012 Agreement in locative phrases in Luganda. In Brenzinger, Matthias & Fehn, Anne-Marie (eds.), *Preceedings of the 6th World Congress of African Linguistics* (*Cologne 2009)*, 433–443. Cologne: Köppe.

Mashomo ga imbiri [Первая книга для чтения]. 1951. Nairobi: Highway Press.

Meinhof, Carl. 1931. Die afrikanischen Klassensprachen in ihrer Bedeutung fur die Geschichte der Sprachen. *Scientia* 50. 165–173.

Meinhof, Carl & van Warmelo, Nicolaas J. 1932. *Introduction to the phonology of the Bantu languages*. Berlin: Dietrich Reimer.

Meeussen, Achiel Emiel. 1967. Bantu grammatical reconstructions. *Africana Linguistica* 3. 79–121.

Petzell, Malin. 2007. A linguistic description of Kagulu. Göteborg: Göteborgs Universitet. (Ph.D. dissertation.)

Philippson, Gérard & Montlahuc, Marie-Laure. 2003. Kilimanjaro Bantu (E60 and E74). In Nurse, Derek & Philippson, Gérard (eds.), *The Bantu languages*, 475–500. London: Routledge.

Schadeberg, Thilo. 2003. Historical linguistics. In Nurse, Derek & Philippson, Gérard (eds.), *The Bantu languages*, 143–163. London: Routledge.

Zeller, Jochen. Forthcoming. Locatives. In Marten, Lutz & Hurst-Harosh, Ellen & Kula, Nancy C. & Zeller, Jochen (eds.), *The Oxford guide to the Bantu languages*. Oxford: Oxford University Press.

Welmers, William E. 1973. *African language structures*. Berkeley: University of California Press.

References

Biblia Ilagho Jiboie Kwa Wandu Wose [The Bible: A good word for all]. *1998.* Nairobi: The Bible Society of Kenya.

Chuo cha mashomo ga kawi [The second reading book]. 1956. Nairobi: Highway Press.

Creissels, Denis. 2006. Encoding the distinction between location, source, and destination: a typological study. In Hickmann, Maya & Robert, Stéphane (eds.), *Space in languages: Linguistic systems and cognitive categories*, 19–28. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.

Gak, Vladimir G. 2000. Prostranstvo vne prostranstva [Space outside of space]. In Arutjunova, Nina D. & Levontina, Irina B. (eds.), *Logičeskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv* [Logical analysis of the language. Languages of spaces], 127–134. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.

Guthrie, Malcolm. 1971. *Comparative Bantu: An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. Vol. 2: Bantu prehistory, inventory and indexes. London: Gregg International.

Joshua Project. n.d. Dabida Taitia in Tanzania. https://www.joshuaproject.net/people_groups/11462/TZ (accessed July 4, 2022)

Maho, Jouni. 1999. *A comparative study of Bantu noun classes*. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis.

Maho, Jouni. 2003. A classification of the Bantu languages: An update of Guthrie's referential system. In Nurse, Derek & Philippson, Gerard (eds.), *The Bantu languages*, 639–651. London: Routledge.

Makeeva, Nadezhda & Ryabova, Irina. 2020a. Singarmonizm i drugie tipy assimiljacii glaznyx v glagole dabida [Vowel harmony and other types of vowel assimilations in Dabida verb] In Kibrik, Andrej A. & Semynova, Ksenija P. & Sitchinava, Dmitri V., & Tatevosov, Sergei G. & Urmanchieva, Anna Ju. (eds.), *VAProsy jazykoznanija: Megasvornik nanopstatej* [Issues in the study of language: A megavolume of nanoarticles]. A Festschrift to Vladimir A. Plungian, 74–79. Moscow: Buki Vedi.

Makeeva, Nadezhda & Ryabova, Irina. 2020b. Assimilation in Dabida. *Language in Africa* 1(2). 4–29.

Makeeva, Nadezhda & Ryabova, Irina. 2020c. "Infinitive" class 15 in Dabida. *Language in Africa* 1(4). 183–198.

Makeeva, Nadezhda & Ryabova, Irina. 2022. Noun classes and agreement in Dawida. *Language Matters* 53(2). 37–67.

Marten, Lutz. 2012 Agreement in locative phrases in Luganda. In Brenzinger, Matthias & Fehn, Anne-Marie (eds.), *Preceedings of the 6th World Congress of African Linguistics (Cologne 2009)*, 433–443. Cologne: Köppe.

Mashomo ga imbiri [The first reading book]. 1951. Nairobi: Highway Press.

Meeussen, Achiel Emiel. 1967. Bantu grammatical reconstructions. *Africana Linguistica* 3. 79–121.

Meinhof, Carl & van Warmelo, Nicolaas J. 1932. *Introduction to the phonology of the Bantu languages*. Berlin: Dietrich Reimer.

Meinhof, Carl. 1931. Die afrikanischen Klassensprachen in ihrer Bedeutung fur die Geschichte der Sprachen. *Scientia* 50. 165–173.

Nikitina, Tatiana V. 2002. Poslelogi jazyka uan: kratkij obzor [Postpositions in Wan: a brief overview]. In Vydrin, Valentin F. & Zheltov, Aleksander Ju. (eds.) *Južnye mandè: Lingvistika v afrikanskix ritmax. Materialy peterburgskoj èkspedicii v Kot d'Ivuar* [Southern Mande: Linguistics in African rhythms. Materials of the St. Petersburg expedition to Côte d'Ivoire]. To Konstantin Podzniakov's 50th birthday, 106–124. St. Petersburg: Evropejskij Dom.

Nikitina, Tatiana V. 2008. Dopolnenija isxodnogo i konečnogo punktov dviženija: k tipologii "rasščeplennyx" sistem kodirovanija [Complements of the initial and final points of motion: towards a typology of "split" encoding systems] *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN* 4(2). 130–134.

Ol'derogge, Dmitrij A. 1983. *Èpigamija. Izbrannye stat'i* [Epigamy. Selected Articles]. Moscow: Nauka.

Oxotina, Natal'ja V. 1959. Vyraženie prostranstvennyx otnošenij v jazyke zulu [Expression of spatial relations in Zulu]. In Ol'derogge, Dmitrij A. (eds.), *Afrikanskij ètnografičeskij sbornik* [African ethnographic collection] 3, 101–160. Moscow – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Petzell, Malin. 2007. A linguistic description of Kagulu. Göteborg: Göteborgs Universitet. (Ph.D. dissertation.)

Philippson, Gérard & Montlahuc, Marie-Laure. 2003. Kilimanjaro Bantu (E60 and E74). In Nurse, Derek & Philippson, Gérard (eds.), *The Bantu languages*, 475–500. London: Routledge.

Schadeberg, Thilo. 2003. Historical linguistics. In Nurse, Derek & Philippson, Gérard (eds.), *The Bantu languages*, 143–163. London: Routledge.

Vinogradov, Viktor A. 1979. Imennye klassy i mestoimenija v bamileke [Noun classes and pronouns in Bamileke]. In Oxotina, Natal'ja V. (ed.), *Morfonologija i morfologia klassov slov v jazykax Afriki* [Morphophonology and morphology of word classes in African languages], 101–119. Moscow: Nauka.

Vinogradov, Viktor A. 1990. Imennye klassy [Noun classes]. In Jarceva, Viktorija N., et al. (eds.), *Lingvističeskij ènciklopedičeskij slovar'* [An encyclopedia of linguistics], 173–174. Moscow: Sovetskaja ènciclopedija.

Vsevolodova, Majja V. & Vladimirskij Evgenij Ju. 1982. *Sposoby vyraženija prostranstvennyx otnošenij v sovremennom russkom jazyke* [Ways of expressing spatial relations in modern Russian]. Moscow: Russkij jazyk.

Welmers, William E. 1973. *African language structures*. Berkeley: University of California Press.

Zeller, Jochen. Forthcoming. Locatives. In Marten, Lutz & Hurst-Harosh, Ellen & Kula, Nancy C. & Zeller, Jochen (eds.), *The Oxford guide to the Bantu languages*. Oxford: Oxford University Press.

Received 03.06.2024. Received in revised form 29.08.2024. Accepted 02.09.2024

Language in Africa 5(1), 2024, 37–59. doi: 10.37892/2686-8946-2024-5-1-37-59

ANALYSE CONTRASTIVE DES SYSTEMES PHONOLOGIQUES DU KIRUNDI (BANTOU, JD62) ET DU KISWAHILI (BANTOU, G42)

Epimaque Nshimirimana
Université du Burundi
nshimeppy77@gmail.com

Dieudonné Butoyi
Université du Burundi
dbutoyi17@gmail.com

Résumé: Le présent article a pour objectif de dégager les sites potentiels d'erreurs interlingales en partant des dissemblances phonologiques entre le kirundi et le kiswahili. Il vise ainsi à permettre aux enseignants de kiswahili d'anticiper sur les erreurs phonologiques commises par les apprenants sous l'influence du kirundi. Par une démarche méthodologique fondée essentiellement sur la comparaison des systèmes phonologiques et la prédiction des erreurs, deux catégories de résultats ont été obtenus. D'une part, certaines différences phonologiques ne conduisent pas nécessairement aux erreurs interlingales en kiswahili: c'est le cas de /e/, /o/ (kirundi) versus /ɛ/, /ɔ/ (kiswahili) qui ne donne pas lieu à des transferts négatifs en kiswahili. D'autre part, un certain nombre de faits phonologiques du kirundi sont susceptibles d'être à l'origine des erreurs suivantes: (i) la mauvaise réalisation des consonnes /ʃ/, /θ/, /ð/, /ɣ/ et /ŋ/, (ii) l'insertion des consonnes /j/, /w/, /l/, /r/ ou /h/ entre des voyelles successives, (iii) la vélarisation des consonnes dans des complexes CS-, (iv) la sonorisation de la consonne /k/ dans les verbes à l'infinitif, (v) le recours aux allophones [b]/[β] du kirundi, (vi) la transformation des syllabes fermées en syllabes ouvertes par ajout d'une voyelle à la coda. Toutes ces erreurs interlingales sont vérifiables dans le kiswahili local grâce aux travaux contrastifs déjà existants.

Mots-clés: kirundi, kiswahili, interférence linguistique, erreur interlingale

CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE PHONOLOGICAL SYSTEMS OF KIRUNDI (BANTU, JD62) AND KISWAHILI (BANTU, G42)

Epimaque Nshimirimana
University of Burundi
nshimeppy77@gmail.com

Dieudonné Butoyi
University of Burundi
dbutoyi17@gmail.com

Abstract: The aim of this paper is to identify potential sites of interlingual errors based on phonological dissimilarities between Kirundi and Kiswahili. In this way, it aims to enable Kiswahili teachers to anticipate phonological errors made by learners under the influence of Kirundi. By a methodological approach based essentially on the comparison of phonological systems and the prediction of errors, two categories of results were obtained. On the one hand, some phonological differences do not necessarily lead to interlingual errors in Kiswahili: this is the case of /e/, /o/ (Kirundi) versus /ɛ/, /ɔ/ (Kiswahili) which do not give rise to negative transfers in Kiswahili. On the other hand, a number of phonological facts of Kirundi are likely to be the cause of the following errors: (i) the misrealization of the consonants /ɟ/, /θ/, /ð/, /ɣ/ and /ŋ/, (ii) the insertion of the consonants /j/, /w/, /l/, /r/ or /h/ between successive vowels, (iii) the velarization of consonants in CS- sequences, (iv) the sonorization of the consonant /k/ in infinitive verbs, (v) the use of allophones [b]/[β] of Kirundi, (vi) the transformation of closed syllables into open syllables by adding a vowel to the coda. All these interlingual errors are verifiable in local Kiswahili thanks to the already existing contrastive works.

Key words: Kirundi, Kiswahili, linguistic interference, interlingual error.

1. Introduction

Le kirundi (bantou, JD62) et le kiswahili (bantou, G42) sont des langues bantoues. Les deux langues partagent ainsi un certain nombre de caractéristiques phonologiques, morphologiques et syntaxiques. De plus, les deux langues ont des statuts clairement définis au Burundi. Selon la loi No1/31 du 3 novembre 2014 portant statut des langues au Burundi, le kirundi est à la fois langue nationale, langue officielle, langue d'enseignement (aux quatre premières années de la scolarité) et langue enseignée (à partir de la cinquième année) tandis que le kiswahili est à son tour une langue régionale et une langue enseignée.

Le kiswahili, langue de la côte indienne (Almasi et al. 2014: 2), a été introduit au Burundi dès la fin du dix-neuvième siècle par des esclavagistes, des ouvriers et manœuvres à partir du comptoir d'Ujiji (en Tanzanie) via le lac Tanganyika (Benabou 1982; Mazunya & Habonimana 2010; Ntiranyibagira 2017). Aujourd'hui, au Burundi, le kiswahili est parlé dans les milieux urbains en commençant par Bujumbura (capitale économique), le long du Lac Tanganyika et dans les localités frontalières avec la Tanzanie (Ntiranyibagira 2017; Nassenstein 2019).

Le contact permanent entre le kirundi (unique langue nationale du Burundi) et le kiswahili a occasionné des influences mutuelles. Celles-ci ont été à l'origine de la naissance d'une variété du kiswahili parlé au Burundi. Par conséquent, deux variétés du kiswahili sont parlées au Burundi à savoir le kiswahili vernaculaire (proche du kiswahili standard) et le kiswahili véhiculaire (Benabou 1982: 1). La première variété est principalement parlée par des musulmans tandis que la seconde est une langue de la rue, parlée par les jeunes des localités défavorisées, avec un bas niveau d'études et/ou dont l'occupation quotidienne n'est pas prisée (Benabou 1982; Ntiranyibagira 2017). Ces mêmes sources indiquent que, pendant longtemps, le kiswahili a été considéré comme une langue vulgaire, une langue des voyous, des voleurs, des prostituées, etc.

Malgré toutes ces représentations négatives, le kiswahili a été introduit dans le système éducatif burundais à partir de l'année scolaire 2006-2007 suite à l'intégration du Burundi à la Communauté de

l'Afrique de l'Est. Il coexiste ainsi avec le kirundi, le français et l'anglais dans les écoles. Une des conséquences de la présence des quatre langues dans le milieu scolaire burundais est que «Swahili speakers' repertoires are marked by multilingualism and the early acquisition of three languages (French, Kirundi, Swahili), plus the acquisition of English in educational contexts» (Nassenstein 2019: 209).

Dans ce contexte sociolinguistique où se fait l'enseignement-apprentissage du kiswahili standard au Burundi, trois faits soulignés par Mazunya & Habonimana (2010) retiennent notre attention: (i) la production des manuels scolaires pour les cours de kiswahili et d'anglais enseignés dès 2007 a été faite dans une situation d'urgence pour parer au plus pressé, ce qui explique leur insuffisance quantitative et qualitative; (ii) l'impression générale est que le recours à d'autres langues est mieux toléré en anglais et en kiswahili qu'en français et en kirundi lors des enseignements et (iii) les employeurs des secteurs public et privé ne cessent de déplorer la non maîtrise du français langue de travail par les jeunes fonctionnaires, et il en sera certainement de même bientôt avec le kiswahili et l'anglais.

En outre, les chiffres présentés par Butoyi (2022) dans son analyse des erreurs commises en kiswahili par des étudiants apprenant le kiswahili standard au Burundi sont parlants. En effet, sur un nombre de 874 erreurs identifiées, 42% sont des erreurs phonologiques (toutes catégories confondues). Ceci permet de vérifier que les erreurs interlingales représentent environ un tiers ou plus du total des erreurs de l'apprenant comme le dit Ke (2019: 28). Plus intéressant encore, parmi ces erreurs phonologiques, 69,86% sont des erreurs interlingales (soit 29,18% de l'ensemble des erreurs identifiées). Ces proportions représentées par les erreurs phonologiques interlingales justifient pourquoi il est important de mener une analyse contrastive à ce sujet.

Toutes ces remarques nous amènent à nous poser les deux questions suivantes: le kiswahili parlé en classe au Burundi ne contient-il pas des erreurs dues à l'influence du kirundi? N'y a-t-il pas moyen d'anticiper certaines des erreurs interlingales qui rendent difficiles la maîtrise du kiswahili standard? Sur base de ces questions, nous nous

proposons de prédire des erreurs phonologiques de kiswahili dues à l'interférence du kirundi chez des apprenants locuteurs natifs du kirundi. Pour y arriver, notre étude est articulée en cinq sections à savoir (i) l'introduction, (ii) le cadre théorique et méthodologique, (iii) les ressemblances et différences phonologiques entre le kirundi et le kiswahili, (iv) la prédiction des erreurs phonologiques dues à l'influence du kirundi sur le kiswahili et (v) la conclusion.

2. Cadre théorique et méthodologique

L'étude envisagée relève de la linguistique contrastive appliquée c'est-à-dire une branche de la linguistique qui étudie deux ou plusieurs langues de manière synchronique, dans le but de découvrir leurs différences et leurs similitudes et d'appliquer ces résultats à des domaines connexes de l'étude ou de la pratique des langues (Ke 2019: 8). Dans ce sens, l'analyse contrastive que nous allons mener est une comparaison systématique de deux langues dans le but d'assister les apprenants de la langue seconde par l'identification des difficultés éventuelles qu'ils peuvent rencontrer dans l'apprentissage de la langue cible (Keshavarz 2011: 5).

Une analyse contrastive ainsi définie repose sur les trois hypothèses suivantes: (i) les principales difficultés dans l'apprentissage ou l'utilisation d'une nouvelle langue sont causées par l'interférence de la première langue; (ii) ces difficultés peuvent être prédites par l'analyse contrastive qui aide les apprenants d'une langue seconde (L2) à percevoir ou à reconnaître les différences entre leur langue première (L1) et la nouvelle langue qu'ils apprennent et (iii) le matériel pédagogique peut bénéficier d'une analyse contrastive, qui donne un aperçu de la manière dont les effets de l'interférence L1 peuvent être réduits (Ke 2019: 25). De la sorte, l'analyse contrastive peut prédire les erreurs dues à l'interférence de L1 (langue maternelle des apprenants) dans L2 (langue cible des apprenants).

Par interférence, nous entendons «a transfer of a skill X which impedes the learning or has a negative influence on the command of

a skill Y because of differences between both skills» (Khalifa 2018: 14). Ces erreurs interlingales sont de cinq types à savoir (i) le transfert d'éléments phonologiques de L1, (ii) le transfert d'éléments morphologiques, (iii) le transfert d'éléments grammaticaux, (iv) le transfert d'éléments lexico-sémantiques et (v) le transfert d'éléments stylistiques et culturels (Keshavarz 2011: 120).

Lors de l'analyse contrastive, six niveaux linguistiques peuvent être concernés par la comparaison à savoir les niveaux phonétique/phonologique, morphologique, syntaxique, lexical, sémantique et pragmatique (Krzeszowski 1990: 47). Par conséquent, la phonétique, la phonologie, le lexique et la grammaire constituent le micro-contraste tandis que les niveaux textuels et pragmatiques forment le macro-contraste de l'analyse contrastive (Ke 2019: 9). Selon Krzeszowski (1990: 37), à chaque niveau, la comparaison peut aboutir à l'une et/ou l'autre des trois situations suivantes: (i) soit les structures de L1 et L2 comparées sont similaires, (ii) soit les structures L1 et L2 comparées sont différentes, (iii) soit encore les structures de L1 prises en compte n'existent pas dans L2.

Dans un cas comme dans un autre, la méthode d'analyse contrastive adoptée par le chercheur doit satisfaire à deux conditions importantes. D'une part, les entités à comparer, bien que différentes à certains égards, doivent avoir en commun certains attributs connus sous le nom de *tertium comparationis* (Ke 2019: 32). D'autre part, le modèle linguistique utilisé dans la description de L1 doit être compatible avec le modèle utilisé dans la description de L2 (Krzeszowski 1990: 107).

Pour mener notre étude, nous adoptons une démarche d'analyse contrastive proposée par Keshavarz (2011). Celle-ci est déroulée en cinq étapes successives suivantes: (i) sélection de certaines caractéristiques de la langue cible qui peuvent potentiellement causer des difficultés aux apprenants; (ii) description explicite des phénomènes linguistiques à analyser dans les deux langues; (iii) comparaison des deux systèmes en juxtaposant les caractéristiques afin de trouver des similitudes et des différences entre elles; (iv) prédiction des difficultés que les apprenants pourraient rencontrer dans l'acquisition

de la langue seconde et (v) vérification de la matérialisation des erreurs prédites chez les apprenants. Les trois premières étapes seront combinées dans la troisième section tandis que les deux dernières seront exploitées dans la quatrième section de la présente étude.

Cette démarche méthodologique sera appliquée aux phonèmes qui sous-tendent les réalisations phonétiques du kirundi et du kiswahili matérialisant les erreurs dans la communication verbale. Elle reposera ainsi sur des descriptions déjà existantes car « les langues que l'on choisit pour des analyses contrastives sont celles que l'on connaît, à différents niveaux évidemment, celles dont on a de bonnes grammaires à sa disposition ou pour lesquelles les locuteurs natifs peuvent apporter leur contribution » (Söres 2007: 36). Par conséquent, les travaux sur le kirundi et sur le kiswahili qui seront retenus sont ceux qui décrivent les systèmes phonétiques/phonologiques dans une perspective structuraliste d'une part et ceux qui portent sur l'étude contrastive du kirundi et du kiswahili d'autre part.

Entre autres travaux d'études contrastives du kirundi-kiswahili, nous retiendrons ceux de Niyonemeza (2004), Ndayisaba (2007), Gashaka (2011), Nassenstein (2019), Butoyi (2022) ainsi que Butoyi & Elisifa (2022). Les trois premiers indiquent des ressemblances et différences entre le kirundi et le kiswahili standard à divers niveaux d'analyse linguistique d'une part et les écarts du kiswahili parlé au Burundi par rapport au kiswahili standard d'autre part. Les trois derniers ne recourent pas à la comparaison entre le kirundi et le kiswahili mais ils mettent un accent particulier sur les écarts du kiswahili parlé au Burundi par rapport au kiswahili standard.

Ces six travaux relèvent tous de la linguistique contrastive théorique dont la tâche consiste à examiner comment les catégories ou caractéristiques universelles (X) sont réalisées et utilisées dans des langues spécifiques (Ke 2019: 29). Ils contribuent ainsi à la description du kiswahili parlé en Afrique centrale en pointant du doigt les écarts accusés par celui-ci par rapport au kiswahili standard enseigné en classe. Ils nous seront d'une grande utilité surtout aux deux dernières étapes de notre démarche méthodologique. En effet, nous ferons recours à un

mouvement de va-et-vient entre les erreurs interlingales prédites et les erreurs déjà mises en évidence chez les locuteurs du kiswahili de l'Afrique centrale. En d'autres termes, les études sur le kiswahili parlé au Burundi nous servirons de sources de preuves des erreurs prédites.

3. Ressemblances et différences phonologiques entre le kirundi et le Kiswahili

Comme nous l'avons déjà souligné, notre analyse contrastive débute par la sélection des éléments à comparer. Selon Keshavarz (2011: 14), la sélection peut être basée sur l'expérience pédagogique de l'analyste et son intuition bilingue et/ou s'appuyer sur une analyse préalable des erreurs commises par les apprenants. Ainsi, en tenant compte de notre expérience d'enseignants de linguistique africaine, de linguistique du kirundi et de linguistique du kiswahili, le choix des entités phonologiques à comparer porte sur les éléments suivants: les systèmes vocaliques, les systèmes consonantiques, les syllabes et quelques faits morpho-phonologiques.

3.1. Systèmes vocaliques du kirundi et du Kiswahili

Le système vocalique du kirundi est très bien décrit. Différents travaux indiquent que le kirundi compte cinq voyelles brèves /i/, /e/, /a/, /u/ et /o/ auxquelles s'ajoutent leurs contreparties longues /ii/, /ee/, /aa/, /uu/ et /oo/ (Meeussen 1959; Ndayishinguje 1978; Zorc & Nibagwire 2007). Toutes les voyelles brèves peuvent se retrouver en positions initiale, interne et finale du mot. Les voyelles longues, quant à elles, ne se rencontrent qu'en position interne sauf dans de rares exceptions. Qu'elles soient brèves ou longues, toutes les voyelles du kirundi sont susceptibles de porter des tons et ne peuvent jamais se suivre dans un mot.

En kiswahili, le système vocalique est constitué de cinq voyelles brèves /i/, /ɛ/, /a/, /u/ et /ɔ/ (Massamba et al. 2004; Aswani 2010; Almasi et al. 2014; Matinde 2018). Celles-ci peuvent occuper toutes les positions (initiale, interne et finale) dans le mot et peuvent se

succéder dans le mot comme par exemple dans *kuua* ‘tuer’ *kukaa* ‘s’asseoir’, *kuzeeka* ‘viellir’, *kuoa* ‘marie’, etc. Cependant, les voyelles du kiswahili ne peuvent jamais porter des tons car le kiswahili est une langue à accent, lequel se place toujours sur la pénultième syllabe du mot (Polomé 1967; Matinde 2018).

En comparant les voyelles du kirundi et celles du kiswahili, nous relevons quelques ressemblances. D’une part, les deux langues ont en commun les voyelles brèves fermées /i/ et /u/. Aussi est-il que, dans les deux langues, la distinction entre deux ordres (antérieures étirées et postérieures arrondies) est neutralisée pour le degré d’aperture maximale (Creissels 1989: 33) représenté par /a/. D’autre part, dans les deux langues, la distribution des voyelles brèves est la même; elles peuvent se rencontrer dans toutes les positions du mot.

Au sujet des dissemblances, la comparaison des systèmes vocaliques du kirundi et du kiswahili en révèle cinq. Premièrement, le kirundi a un système vocalique à dix voyelles tandis que le kiswahili n’en compte que cinq. Deuxièmement, le kirundi a des voyelles mi-fermées /e/ et /o/ tandis que le kiswahili n’en a pas. Troisièmement, le kirundi n’a pas de voyelles mi-ouvertes mais le kiswahili dispose des voyelles /ɛ/ et /ɔ/ relevant du troisième degré d’aperture. Quatrièmement, le kirundi a des voyelles longues tandis que le kiswahili n’en a pas; celui-ci admet pourtant une suite de voyelles brèves dans le mot. Cinquièmement, la voyelle ouverte /a/ n’a pas le même lieu d’articulation dans les deux langues: elle est réalisée comme antérieure (non-arrondie) en kirundi tandis qu’elle est réalisée comme postérieure (arrondie) en kiswahili.

3.2. Systèmes consonantiques du kirundi et du kiswahili

En kirundi, comme l’indique le tableau 1, les phonèmes consonantiques sont au nombre de 22 (Ntahokaja 1994). Selon le mode d’articulation, elles sont réparties en occlusives, fricatives, nasales, vibrantes, affriquées et semi-voyelles. Le point d’articulation permet de distinguer des bilabiales, des labio-dentales, des alvéolaires, des palatales, des vélaires et une glottale. Le voisement est à la base d’une opposition entre consonnes sourdes et consonnes sonores.

Tableau 1

Consonnes du kirundi

Mode d'articulation	**Point d'articulation**										
	bila-biales		labio-dentales		alvéo-laires		palatales		vélaires		glottale
	sourde	sonore	sourde	sonore	sourde	sonore	sourde	sonore	sourde	sonore	sourde
Occlusives	p	b			t	d			k	g	
Fricatives			f	v	s	z	ʃ	ʒ			h
Nasales		m				n		ɲ			
Vibrantes						r					
Affriquées			pf		ts		ʧ				
Semi-voyelles								j		w	

Chacune de ces consonnes peut se retrouver en position initiale ou interne du mot mais aucune ne peut se rencontrer en position finale. Ces différentes consonnes peuvent se combiner entre elles pour constituer des séquences consonantiques de types NC-, CS- ou NCS- comme dans les mots *inda* 'ventre', *kugwa* 'tomber' ou *ingwe* 'léopard'. La prénasalisation des consonnes concerne les occlusives, les fricatives (sauf /h/) et les affriquées. Certaines consonnes attestent des variantes dans leurs réalisations phonétiques. Ainsi par exemple, [r] et [l] sont des allophones libres de /r/ tandis que [β] et [b] sont des allophones combinatoires de /b/ (Ndayishinguje 1978; Ndayiragije 1981). Dans ce dernier cas, /b/ devient [b] lorsqu'il est prénasalisé ou lorsqu'il est suivi d'une semi-voyelle; il se réalise [β] partout ailleurs.

En kiswahili, comme l'indique le tableau 2, les phonèmes consonantiques sont au nombre de 26 (Matinde 2018). Selon le mode d'articulation, elles sont réparties en occlusives, fricatives, nasales, vibrante, latérale, affriquée et semi-voyelles. Le point d'articulation permet de distinguer des bilabiales, labio-dentales, dentales, alvéolaires, palatales, vélaires et laryngale. Le voisement permet de faire une opposition entre consonnes sourdes et consonnes sonores.

Tableau 2

Consonnes du kiswahili

Mode d'articulation	**Point d'articulation**												
	bila-biales		labio-dentales		den-tales		alvéo-laires		pala-tales		vélaires		laryn-gale
	sde	sre	sde	sre	sde	sre	sde	sre	sde	sre	sde	sre	sde
Occlusives	p	b					t	d		ɟ	k	g	
Fricatives			f	v	θ	ð	s	z	ʃ		x	ɣ	h
Nasales		m						n		ɲ		ŋ	
Vibrante								r					
Latérale								l					
affriquée									ʧ				
Semi-voyelles										j		w	

Ces différentes consonnes apparaissent en positions initiale et interne du mot. Elles peuvent entrer dans des combinaisons diverses de types NC-, CS- ou NCS- comme dans *tumbo* 'ventre', *kutwanga* 'piler' ou *kupendwa* 'être aimé'. Dans le cas de la prénasalisation, celle-ci ne concerne que les seules occlusives sonores et donne lieu à une harmonisation nasale homorganique. Aussi faut-il signaler que des cas d'allophonie sont connus en kiswahili. D'une part, les occlusives sonores sont réalisées comme des consonnes injectives excepté dans les cas où elles sont précédées par des nasales homorganiques (Nurse & Hinnebusch 1993: 568). D'autre part, sous l'influence de l'anglais, les occlusives sourdes en positions initiales sont réalisées comme des consonnes aspirées (Matinde 2018).

En comparant les systèmes consonantiques du kirundi et du kiswahili, nous dégageons quelques ressemblances. Premièrement, les deux langues ont en commun les consonnes suivantes: /p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/, /f/, /v/, /s/, /z/, /ʃ/, /h/, /m/, /n/, /ɲ/, /r/, /ʧ/, /j/, /w/. Deuxièmement, la distribution des consonnes est la même dans les deux langues: les consonnes sont admises en positions initiale et interne de mot. Troisièmement, les combinaisons des consonnes pour constituer des

séquences complexes suivent des schémas similaires dans les deux langues; elles donnent lieu à l'harmonisation nasale homorganique en cas de prénasalisation.

Au sujet des différences entre les systèmes consonantiques du kirundi et du kiswahili, nous en retenons trois. En premier lieu, chacune des deux langues a des consonnes qui lui sont propres. Les consonnes propres au kirundi sont /ʒ/, /pf/, /ts/ tandis que les consonnes du kiswahili non attestées en kirundi sont /ɸ/, /θ/, /ð/, /x/, /ɣ/, /ŋ/, /l/. En deuxième lieu, la prénasalisation des consonnes affecte des consonnes de différentes catégories (occlusives, fricatives, affriquées) en kirundi tandis qu'elle ne se limite qu'aux seules occlusives sonores en kiswahili. En troisième lieu, lorsqu'une consonne est suivie d'une semi-voyelle en kirundi, elle donne lieu au phénomène de vélarisation ce qui n'est pas le cas en kiswahili. Ainsi par exemple *imbwá* 'chien' en kirundi se réalise [ɪ̄ᵐbgá] alors que son correspondant *mbwa* 'chien' du kiswahili reste ['m'bwa].

3.3. Syllabes du kirundi et du kiswahili

En kirundi, la syllabe se termine toujours par une voyelle; elle est donc une syllabe ouverte. Elle se présente sous diverses structures à savoir /V/, /CV/, /NCV/, /CSV/, /NCSV/, /NSV/ (Ndayiragije 1981; Ntahokaja 1994). Dans toutes ces structures, l'élément obligatoire est la voyelle qui constitue en même temps le sommet de la syllabe. La structure syllabique la plus fréquente est /CV/.

En kiswahili, la plus petite unité syllabique est une voyelle /V/ mais elle peut être aussi une nasale /N/ ayant un point d'articulation indépendant de celui de la consonne qu'elle précède (Creissels 1989: 112) comme par exemple dans *nchi* ['n'ʧi] et *mbu* ['m'bu]. A côté de ces structures très simples, d'autres plus complexes qui font intervenir à la fois des consonnes et des voyelles sont attestées en kiswahili: /CV/, /CSV/, /NCSV/ /CCV/, /CCCV/, /CCVC/ (Polomé 1967; Massamba et al. 2004; Aswani 2010; Matinde 2018).

En comparant les structures des syllabes du kirundi et du kiswahili, nous constatons que les deux langues partagent en commun des syllabes

ouvertes de types /V/, /CV/, /CSV/, /NCSV/. Cependant, quoiqu'elles soient ouvertes, les syllabes de types /CCV/ et /CCCV/ ne se rencontrent qu'en kiswahili. De même, les syllabes fermées de types /N/ et /CCVC/ sont propres au kiswahili surtout pour des emprunts comme *rasmi* / ras.mi/ (mot arabe signifiant 'fonctionnaire'), *bakteria* /bak.te.ri.a/ (mot anglais signifiant 'bactérie'); aucune syllabe fermée n'est acceptée en kirundi.

3.4. Faits morphophonologiques du kirundi et du kiswahili

Les phénomènes morphophonologiques attestés dans les langues bantoues sont très nombreux. Il en est de même en kirundi et en kiswahili d'où la sélection des phénomènes à comparer s'impose. Ainsi, nous nous limitons aux phénomènes qui sont susceptibles de faire l'objet d'interférence du kirundi dans le kiswahili à savoir la contraction vocalique, la labialisation/palatalisation des voyelles en contact et la dissimilation consonantique.

3.4.1. Contraction, palatalisation et labialisation des voyelles en contact

En kirundi, deux ou trois voyelles appartenant à des morphèmes différents peuvent être en contact immédiat. Ainsi, deux situations se présentent à l'intérieur d'un même mot: (i) soit il se produit une fusion des voyelles, (ii) soit l'une des voyelles en contact se transforme en une semi-voyelle. Dans le premier cas, le résultat de la coalescence vocalique peut être une voyelle brève ou une voyelle longue. L'allongement de la voyelle résultant de la fusion a lieu si la première voyelle est ouverte et si elle n'est pas en position initiale ou finale de mots. Dans le second cas, les voyelles antérieure et postérieure subissent respectivement la palatalisation et la labialisation en devenant /j/ et /w/. Ces trois phénomènes (contraction, palatalisation, labialisation) largement décrits par Ntahokaja (1994: 32-38) peuvent être synthétisés par le tableau suivant:

Tableau 3

Résultats du contact immédiat des voyelles en kirundi

	i	***e***	***a***	***u***	***o***
i	*yi*	*ye*	*ya*	*yu*	*yo*
e	-	ye	ya	-	*yo*
a	*ee/ii/yi*	*ee*	*aa/ya*	*uu/yu*	*oo/yo*
o	*wi*	*we*	*wa*	*u*	*o*
u	*wi*	*we*	*wa*	*wu*	*wo*

Sur base de ce tableau, les exemples comme *abaanditsi* /a-ba-andik-yi/ ‘écrivains’, *imyóonga* /i-mi-óonga/ ‘marais’, *urwíimo* /u-ru-íimo/ ‘guerre’ montrent respectivement que *a* + *a* > *aa*, *i* + *o* > *yo* et *u* + *i* > *wi*. Dans l’ordre, ces trois exemples illustrent la contraction vocalique de *a* + *a*, la palatalisation de ***i*** (antérieure) et la labialisation de ***u*** (postérieure).

En kiswahili, des phénomènes similaires sont attestés comme l’indiquent Polomé (1967), Aswani (2010) et Matinde (2018). En effet, d’une part, nous observons la palatalisation de la voyelle antérieure /i/ dans les cas de *i* +*a* > ya et ***i*** + *e* > *ye* respectivement dans les exemples comme *myaka* /mi-aka/ ‘années’ et *yetu* /i-etu/ ‘le nôtre’. D’autre part, la voyelle postérieure /u/ peut subir la labialisation dans les cas de *u* + *i* > *wi*, *u* + *e* > *we* et *u* + *a* > *wa* respectivement dans les exemples comme *kwingi* /ku-ingi/ ‘de différents lieux’, *twende* /tu-ende/ ‘que nous partions’ et *kwamba* /ku-amba/ ‘dire’.

Signalons que les deux phénomènes morphophonologiques ne se produisent pas lorsque les phonèmes vocaliques /i/ et /u/ sont suivis par leurs semblables comme dans *viingizi* /vi-ingizi/ ‘interjections, idéophones’ et *kuugua* /ku-ugua/ ‘être/tomber malade’. Aussi, l’exception est observée lorsque la voyelle /u/ est suivie d’une autre voyelle comme dans *kualika* /ku-alika/ ‘inviter’, *kuita* /ku-ita/ ‘appeler’, *kuelewa* /ku-elewa/ ‘comprendre’ et *kuona* /ku-ona/ ‘voir’. Dans ces cas, la labialisation de la voyelle postérieure n’a pas lieu tout comme pour la voyelle /i/ dans *vioo* /vi-oo/ ‘verres/glaces’; il se produit une succession de voyelles. Non plus, la labialisation de la voyelle /i/ tenant lieu de suffixe applicatif ne se produit pas lorsqu’elle est suivie de la voyelle

finale /a/ comme dans *kupikia* /ku-pik-i-a/ ‘cuire pour’ et *kupigia* /ku-pig-i-a/ ‘battre/frapper pour’.

En comparant le kirundi et le kiswahili, nous constatons que la palatalisation et la labialisation respectivement des voyelles antérieures et postérieures se produisent de la même façon dans les deux langues. Cependant, au moment où ces deux phénomènes sont systématiques en kirundi, ils sont plutôt limités à quelques mots en kiswahili. Un autre élément de différence entre les deux langues est que le kirundi peut donner lieu à une contraction de voyelles alors que le kiswahili ne connaît pas ce phénomène. En conséquence, à la place de la coalescence vocalique, le kiswahili privilégie la succession de voyelles.

3.4.2. Dissimilation consonantique

Ce phénomène consiste en ce que «a voiceless stop becomes voiced if the consonant in the next syllable is also voiceless» (Nurse & Philippson 2003: 56). En kirundi, lorsque le radical commence par une consonne sourde et qu’elle est précédée par une syllabe brève à consonne sourde également, celle-ci devient sonore (Ndayishinguje 1978: 138). De même, lorsque le radical se termine par une consonne sourde suivie par un suffixe de type -VC- dont la consonne est sourde, c’est la consonne du radical qui devient sonore. Ce phénomène affecte les occlusives alvéolaires ou vélaires qui se suivent. Ainsi par exemple, dans *gusíduka* /ku-sit-uk-a/ ‘se déraciner’ $k > g$ à l’initiale du mot tandis que $t > d$ à la frontière droite du radical.

Ce phénomène de dissimilation consonantique n’est pas connu en kiswahili. Mais il est évoqué ici à cause d’une similarité formelle qui s’observe entre des éléments du verbe à l’infinitif dans les deux langues. En effet, à l’initiale du verbe à l’infinitif, les deux langues attestent un préfixe verbo-nominal *ku-* occupant la même position par rapport au reste de la structure du verbe. Ainsi, ce morphème est intéressant pour le simple fait qu’il peut être facilement confondu à celui du kirundi provoquant ainsi un même comportement du locuteur dans la langue cible.

4. Prédiction des erreurs phonologiques interlingales

4.1. Erreurs liées aux voyelles successives

Nous avons déjà montré que la semi-vocalisation de l'une des voyelles en contact immédiat est un phénomène courant et généralisé en kirundi qu'en kiswahili. Cela ne peut pas aller sans conséquences lorsque des locuteurs natifs du kirundi s'expriment en kiswahili. Chez les apprenants du kiswahili standard, il est facile de s'attendre à ce que les voyelles antérieures et postérieures directement suivies d'autres voyelles se transforment en semi-voyelles /j/ et /w/ respectivement comme c'est le cas en kirundi. Si tel est le cas, cette interférence du kirundi en kiswahili constitue une stratégie adoptée par les apprenants pour éviter les successions de voyelles caractéristiques du kiswahili standard.

Cette prédiction de la palatalisation et de la labialisation de l'une des voyelles en contact peut être justifiée par les résultats de Niyonemeza (2004). Selon elle, lorsque deux voyelles se suivent en kiswahili, trois cas peuvent être observés chez les locuteurs natifs du kirundi. Tout d'abord, lorsqu'une voyelle antérieure /i/ ou /ɛ/ est suivie d'une voyelle en kiswahili standard, les locuteurs natifs du kirundi tendent à prononcer ces dernières avec l'insertion de la semi-voyelle /j/ entre les deux voyelles comme dans *kulia* > *kuliya* 'pleurer', *kulea* > *kuleya* 'éduquer'. Ensuite, lorsqu'une voyelle postérieure /ɔ/ ou /u/ précède une autre voyelle en kiswahili standard, les locuteurs natifs du kirundi tendent à insérer la semi-voyelle /w/ entre les deux voyelles comme dans *kutoa* > *kutowa* 'retirer', *kuvua* > *kuvuwa* 'se déshabiller'. Enfin, lorsque la voyelle ouverte /a/ précède les voyelles postérieures /u/ ou /ɔ/ en kiswahili standard, les locuteurs natifs du kirundi les produisent avec une insertion de la semi-voyelle /w/ entre elles comme dans *kukauka* > *kukawuka* 'être sec', *ubao* > *ubawo* 'planche'.

Le même phénomène est observé par Butoyi (2022) chez les étudiants de langues maternelles bantoues et de nationalités diverses (burundais, rwandais, congolais) apprenant le kiswahili standard. Pour lui, il s'agit d'un cas d'insertion de phonème à la manière de ce qui se passe dans la langue maternelle (kirundi/kinyarwanda) qui n'accepte

pas de syllabe composée de la seule voyelle en position non initiale de mot comme dans les exemples *pia* > *piya* 'aussi', *kujua* > *kujuwa* 'savoir'. Cela laisse supposer que les apprenants des niveaux inférieurs ne peuvent pas échapper au phénomène vécu par les étudiants de l'enseignement supérieur.

Un autre type d'erreur phonologique prévisible chez les apprenants du kiswahili standard est similaire au précédent. Il s'agit de l'insertion d'une consonne différente de la semi-voyelle entre deux voyelles successives du kiswahili standard. Comme dans les situations précédentes, l'insertion d'une telle consonne entre deux voyelles permet d'éviter la succession de voyelles sous l'influence du kirundi. Ainsi, comme le mentionnent Niyonemeza (2004) et Nassenstein (2019), les locuteurs natifs du kirundi peuvent intercaler entre les deux voyelles une consonne épenthétique /l/ ou /r/ comme dans *kuvaa* > *kuvala/ kuvara* 's'habiller', *kuamka* > *kulamuka* 'se lever'. De son côté, Butoyi (2022) montre que la consonne épenthétique insérée entre les deux voyelles successives du kiswahili standard peut aussi être /h/ comme dans *akaanguka* > *akahanguka* 'puis il tomba', *nimeapa* > *nimehapa* 'j'ai juré'.

4.2. Erreurs liées aux consonnes

Les kirundiphones ont du mal à percevoir correctement les phonèmes du kiswahili qui n'existent pas en kirundi /ʄ/, /θ/, /ð/, /ɣ/, /ŋ/. De ce fait, il est prévisible que l'apprenant locuteur natif du kirundi les interprète respectivement comme [dʒ], [s], [z], [g] et [ŋg]. Ces erreurs de prononciation sont liées aux lieux d'articulation c'est-à-dire que les locuteurs natifs du kirundi adoptent des lieux d'articulation du kirundi plus proches de celles des réalisations consonantiques du kiswahili standard.

Cette prédiction d'erreur liée à la mauvaise perception des consonnes peut se justifier par le fait que Niyonemeza (2004) et Nassenstein (2019) remarquent le même phénomène dans le kiswahili parlé au Burundi mais sans indiquer l'identité des locuteurs natifs du kirundi qui ont un tel problème. A leur tour, Butoyi & Elisifa (2022) soulignent

que ce phénomène est observé chez les étudiants (burundais, rwandais, congolais) sous l'influence de leurs langues maternelles respectives. Ainsi par exemple, les mots *ng'ombe* 'vache' *thamani* 'valeur'*, dhamira* 'but'*, maji* 'eau'*, lugha* 'langue' du kiswahili standard sont prononcés *ngombe, samani, zamira, madʒi, luga* en kiswahili parlé au Burundi.

Un autre cas prévisible concerne la réalisation des complexes consonantiques à semi-voyelles /j/ et /w/ du kiswahili. Une fois réalisés par des locuteurs natifs du kirundi apprenant le kiswahili standard, il est fort probable que ces complexes s'accompagnent d'un phénomène de vélarisation comme en kirundi. En effet, Gashaka (2011) montre que /bw/, /mw/, /fj/, /vj/, etc. du kiswahili standard sont réalisés par des locuteurs natifs du kirundi comme [bg], [mŋ], [f^{k}j], [v^{g}j] respectivement dans les mots *bwana* ['bgana] 'monsieur', *mwanamke* [mŋana'muke] 'femme', *afya* [a'f^{k}ja] 'santé', *vyuo* ['v^{g}juwo] 'universités'. A différents niveaux, ceci ne peut pas ne pas affecter les apprenants qui sont quotidiennement en contact avec les locuteurs du kiswahili local.

Un cas d'erreur phonologique concernant l'usage de certains allophones du kirundi en kiswahili est également prévisible. Il s'agit concrètement de [b]/[β] (allophones de /b/) et de [r]/[l] (allophones de /r/). D'une part, Gashaka (2011) montre que les allophones de /b/ sont employés en kiswahili par les locuteurs natifs du kirundi suivant les règles du kirundi évoquées plus haut. Ainsi par exemple, il n'est pas rare d'entendre *barabara* 'route', *bibi* 'grand-mère', *barua* 'lettre', *bahari* 'océan', réalisés comme ['βaβa], [βara'βara], ['βiβi], [βa'ruwa], [βa'hari],… dans la variété du kiswahili parlée au Burundi. D'autre part, les variantes libres de /r/ peuvent être interchangées à volonté (Butoyi, 2022: 54) comme dans les mots *hatari* 'danger', *nzuri* 'bon', *kula* 'manger', … qui peuvent être prononcés [ha'tali], ['nzuli], ['kura]… Dans ce cas, Nassenstein (2019: 215) explique que l'emploi de [r] à la place de [l] et vice-versa est dû à l'hypercorrection adoptée par certains locuteurs natifs du kirundi.

Un dernier cas d'erreur phonologique prévisible est lié au phénomène de dissimilation consonantique. Quoique celle-ci n'existe pas en kiswahili, l'on peut s'attendre à ce qu'elle soit attestée dans le kiswahili

des apprenants sous l'influence du kirundi. Cette hypothèse est soutenue par le fait que Gashaka (2011) et Nassenstein (2019) montrent que cette interférence est déjà une réalité dans la variété du kiswahili parlé au Burundi comme dans les mots *kupiga* 'frapper', *kucheka* 'rire', *kufanya* 'faire', etc. qui deviennent respectivement *gupiga, gucheka, gufanya,* etc. Dans ces verbes à l'infinitif du kiswahili, la consonne sourde initiale /k/ devient sonore parce qu'elle est suivie des sourdes /p/, /ʧ/, /f/ (initiales des radicaux) en suivant les règles du kirundi. Plus encore, le même phénomène s'observe déjà chez des étudiants (burundais, rwandais, congolais) fréquentant différentes universités au Burundi (Butoyi 2022).

4.3. Erreurs liées aux syllabes

Nous avons déjà souligné que le kirundi est une langue à syllabation totalement ouverte et que les syllabes ouvertes sont les plus fréquentes en kiswahili. Pour cela, il y a lieu de s'attendre à ce que le locuteur natif du kirundi ait tendance à réaliser toutes les syllabes du kiswahili comme des syllabes ouvertes. En effet, ce phénomène est déjà observé chez les locuteurs du kiswahili local (Niyonemeza 2004; Gashaka 2011; Nassenstein 2019) et chez les étudiants apprenant du kiswahili standard (Butoyi 2022). La stratégie exploitée par les différentes catégories de locuteurs est l'insertion d'une voyelle après une nasale à statut syllabique ou après la coda d'une syllabe fermée (Polomé 1967: 50). Ainsi par exemple, les mots *mtoto* 'enfant', *kumtafuta* 'le rechercher', *alhamisi* 'jeudi', *kaskazini* 'nord', *labda* 'peut être', etc. sont respectivement réalisés comme [mu'toto], [k^{h}umuta'futa], [aliha'misi], [k^{h}asika'zini], [la'buda], etc.

4.4. Cas de différences phonologiques sans influence négative

En analysant les descriptions et les études contrastives du kirundi/kiswahili déjà disponibles, il est possible d'identifier un cas de différence phonologique où le kirundi n'exerce pas d'influence sur le kiswahili. En effet, les systèmes vocaliques des deux langues montrent que le

kirundi dispose des voyelles mi-fermées /e/ et /o/ alors que le kiswahili n'en a pas. A son tour, le kiswahili a des voyelles mi-ouvertes /ɛ/ et /ɔ/ alors que le kiswahili n'en dispose pas.

L'absence de toute influence phonologique du kirundi sur le kiswahili parmi les erreurs interlingales identifiées par les différents auteurs peut être doublement justifiée. D'une part, l'absence d'opposition entre voyelles mi-fermées et mi-ouvertes dans les deux langues conduit les locuteurs de l'une et/ou de l'autre des deux langues à réaliser librement les voyelles mi-fermées comme des mi-ouvertes et vice-versa. En d'autres termes, l'on peut considérer que les locuteurs natifs du kirundi sont libres de réaliser les phonèmes /ɛ/ et /ɔ/ du kiswahili standard respectivement comme [e] et [o] sans que cela soit perçu comme un cas d'erreur phonologique. D'autre part, cette possibilité de choix offerte aux locuteurs natifs kirundophones est rendue possible par le fait que /ɛ/ et /ɔ/ du kiswahili connaissent différentes réalisations en fonction des contextes. En effet, ces deux phonèmes se réalisent sous les variantes [e] et [o] lorsqu'ils se trouvent dans des syllabes non accentuées ou lorsqu'ils précèdent des nasales ou des occlusives prénasalisées (Polomé, 1967: 47).

5. Conclusion

La comparaison des systèmes phonologiques du kirundi et du kiswahili a concerné quelques éléments sélectionnés parce qu'ils peuvent faire l'objet d'interférence du kirundi dans le kiswahili appris à l'école. Les différences dégagées par la comparaison ont permis de prédire un certain nombre d'erreurs phonologiques interlingales chez les apprenants du kiswahili standard. Celles-ci concernent la contraction de voyelles, la palatalisation/labialisation de voyelles, l'insertion de consonnes épenthétiques entre des voyelles successives, la mauvaise réalisation des consonnes qui n'existent pas en kirundi, la vélarisation des séquences consonantiques de type /CS/, le recours à l'allophonie et à la dissimilation consonantique du kirundi, la transformation des syllabes fermées en syllabes ouvertes.

Toutes ces erreurs phonologiques prédites ont de fortes chances de se réaliser chez les locuteurs natifs du kirundi apprenant le kiswahili standard. L'argument avancé pour justifier cette prédiction est que les travaux déjà réalisés montrent que le kiswahili est influencé par le kirundi même chez les étudiants de niveau avancé. Etant donné que l'enseignement-apprentissage du kiswahili se passe dans un contexte où les enseignants du kiswahili ne sont pas suffisamment formés en la matière, que le kiswahili standard n'est pratiqué qu'en classe et dans les canaux officiels (médias, mosquées) et que les apprenants sont constamment exposés au kirundi (leur langue maternelle) et au kiswahili local (déjà influencé par le kirundi), les apprenants ne peuvent ne pas subir l'influence du kirundi. Ainsi, la connaissance préalable des sites potentiels d'erreurs phonologiques interlingales qui peuvent se manifester chez les apprenants permet d'améliorer l'enseignement-apprentissage du kiswahili standard. Une étude, qui consisterait à identifier les interférences qui pourraient conduire à des malentendus ou à des difficultés à comprendre ce que dit le locuteur du kiswahili du Burundi ferait l'objet d'une autre étude non moins intéressante.

Références

Almasi, Oswald & Fallon, Michael David & Wared, Nazish Pardhan. 2014. *Swahili Grammar for Introductory and Intermediate Levels. Sarufi ya Kiswahili cha Ngaziya Kwanza na Kati.* Lanham/New York/Oxford: University Press of America.

Aswani, Buliba. 2010. *Fonolojia tohozi: kingereza-kiswahili.* Nairobi: Division of Research and Extension.

Benabou, Alain. 1982. *Recherches sur le Swahili du Burundi: les nominaux*. Nice: Université de Nice. (Thèse de doctorat de 3ème cycle).

Butoyi, Dieudonné. 2022. *Tathmini ya makosa ya kisarufi ya wanafunzi wa kingwana wanaojifunza kiswahili sanifu: uchunguzi kifani wa vyuo vikuu vya Burundi*. Dar-es-salaam: Chuo Kikuu Huria cha Tanzania. (Tasnifu ya Uzamili).

Butoyi, Dieudonné & Elisifa, Zelda. 2022. Dosari za Kisarufi za Wanafunzi Wanaojifunza Kiswahili Sanifu katika Vyuo Vikuu nchini Burundi. *Kioo cha Lugha*, 20(2), 239-256. https://dx.doi.org/10.4314/kcl.v20i2.6

Creissels, Denis. 1989. *Aperçu sur les structures phonologiques des langues négro-africaines*. Grenoble: Editions Littéraires et Linguistiques de l'Université de Grenoble.

Gashaka, Jean Claude. 2011. *Analyse comparative des interférences linguistiques entre le kirundi et le kiswahili parlé au Burundi.* Bujumbura: Université du Burundi. (Mémoire de licence).

Ke, Ping. 2019. *Contrastive Linguistics*. Beijing: Peking University Press.

Keshavarz, Mohammad Hossein. 2011. *Contrastive analysis and error analysis*. Tehran: Rahnama Press.

Khalifa, Mohamed Fathy. 2018. Contrastive Analysis, Error Analysis, Markedness Theory, Universal Grammar and Monitor Theory and their Contributions to Second Language Learning. *International Journal of Linguistics*, 10(1), 12-45.

Krzeszowski, Tomasz. 1990. *Contrasting languages. The Scope of Contrastive Linguistics*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

Massamba, D.P.B. & Kihore, Y.M. & Msanjil, Y. P. 2004. *Fonolojia ya Kiswahili sanifu*. Dar es Salaam: Taasisi ya Uchunguzi wa Kiswahili.

Matinde, Riro Samuel. 2018. *Dafina ya lugha. Isimu na nadharia*. Mwanza: Serengeti Educational Publishers (T) LTD.

Mazunya, Maurice & Habonimana, Alexis. 2010. *Les Langues de scolarisation dans l'enseignement fondamental en Afrique subsaharienne francophone: cas du Burundi. Résumé institutionnel du rapport d''étude-pays.* Bujumbura: AUF.

Meeussen, Achille Emiel. 1959. *Essai de grammaire rundi*. Tervuren: Annales du Musée Royal du Congo Belge.

Nassenstein, Nico. 2019. On the variability of kiswahili in Bujumbura (Burundi). *Swahili forum*, 26, 205-239.

Ndayiragije, Pia. 1981. *Etude des tons en kirundi*. Strasbourg: Université des Lettres et Sciences Humaines, Institut de phonétique. (Thèse de doctorat de troisième cycle).

Ndayisaba, Salomé. 2007. *Comparaison phonologique et lexico-sémantique du kirundi et du kiswahili: essai de description*. Bujumbura: Université du Burundi. (Mémoire de Licence).

Ndayishinguje, Pascal. 1978. *Contribution à la phonétique et à la phonologie du kirundi.* Paris: Université Paris III. (Thèse de doctorat de troisième cycle).

Niyonemeza, Espérance. 2004. *L'influence du kirundi sur le kiswahili parlé au Burundi. Essai d'analyse phonologique et morphologique.* Bujumbura: Université du Burundi. (Mémoire de licence).

Ntahokaja, Jean Baptiste. 1994. *Grammaire structurale du kirundi*. Bujumbura: Université du Burundi.

Ntiranyibagira, Constantin. 2017. *La dynamique du kirundi en contexte plurilingue: pratiques langagières et discours épilinguistiques.* Abidjan: Université Houphouët Boigny. (Thèse de Doctorat).

Nurse, Derek & Hinnebusch, Thomas J. (ed.). 1993. *Swahili and Sabaki. A Linguistic History.* Berkely/Los Angeles/London: Unversity of California Press.

Nurse, Derek & Philippson, Gerard. 2003. *The Bantu languages*. London: Routledge.

Polome, Edgard C. 1967. *Swahili language handbook*. Washington: Center for Applied Linguistics.

République du Burundi. 2014. *Loi N°1/31 du 3 novembre 2014 portant statut des langues au Burundi.* Bujumbura, Burundi.

Sores, Anna. 2007. *Théories et méthodes dans la comparaison des langues. Chemins vers la linguistique générale*. Paris: Université de Paris X Nanterre. (Document de synthèse pour l'habilitation à diriger les recherches).

Zorc, R. David & Nibagwire, Louise. 2007. *Kinyarwanda and Kirundi comparative grammar.* Dunwoody Press.

Received 13.03.2024. Received in revised form 17.06.2023. Accepted 22.07.2023